

Т. В. Сенькевич

**РОМАНТИЗМ М. Ю. ЛЕРМОНТОВА
И ЯНКИ КУПАЛЫ:
ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ – ГЕРОЙ – ИДЕАЛ**

УДК 821.163.1+821.163.3(08)

ББК 83.3

С-31

Рецензенты:

Заведующая кафедрой русской и зарубежной литературы
ГрГУ им. Янки Купалы доктор филологических наук

Т.Е. Автухович

Доктор филологических наук, профессор

Н.И. Мищенчук

Научный редактор

Кандидат филологических наук, доцент

Л.В. Скибицкая

*Печатается по решению редакционно-издательского совета
УО «БрГУ им. А.С. Пушкина»*

Сенькевич, Т. В.

С-31 Романтизм М. Ю. Лермонтова и Янки Купалы: действительность – герой – идеал [Текст] : монография / Т. В. Сенькевич ; Брест. гос. ун-т им. А. С. Пушкина ; науч. ред. Л. В. Скибицкая. – Брест : Изд-во БрГУ, 2006. – 94 с. – Библиогр.: с. 90–93 (76 назв.). – 100 экз.

ISBN 985-473-192-8.

В монографии раскрывается масштаб, многоплановость идейно-художественных связей русского и белорусского поэтов-классиков в контексте романтизма как литературного направления и романтического типа мышления мировой литературы. Своеобразие типологии лирического героя в лирике М.Ю. Лермонтова и Янки Купалы показано на фоне эволюции лирического героя белорусской поэзии XIX – начала XX столетия.

Адресуется студентам филологических факультетов институтов и университетов, учителям-словесникам, учащимся общеобразовательной средней школы.

ISBN 985-473-192-8

УДК 821.163.1+821.163.3(08)

ББК 83.3

© Т.В. Сенькевич, 2006

© Издательство УО «БрГУ им. А.С. Пушкина», 2006

ВВЕДЕНИЕ

Ход развития мировой культуры – неперенное сочетание традиционного и новаторского, влияний и взаимовлияний. Преемственность, как закономерный объективный процесс культурного развития, подтверждает наличие взаимодействия между писателями (прямые, непосредственные связи, личные контакты), опосредованных связей на базе разных «волн», плоскостей.

Национальная литература не развивается в изолированном мире, она постоянно ощущает на себе и оказывает влияние на другие литературы. М.Б. Храпченко, А.С. Бушмин, А.Н. Иезуитов убеждены, что типологическое исследование предполагает сопоставление сходных, объединенных внутренней связью явлений, которые могут быть отделены друг от друга временным отрезком и между которыми может отсутствовать непосредственный контакт: «Типологически родственными могут быть признаны литературные явления, не просто обладающие известным сходством, отдельными общими чертами, а те из них, которые близки друг другу по некоторым основным своим свойствам, по своей структуре. При этом родственное, общее, сходное при типологических обобщениях раскрывается не в последовательном отвлечении от индивидуального, частного, не в резком противопоставлении одного другому, а в их внутренних взаимосвязях» [69, 392].

Вторая половина XIX века ознаменовалась серьезным теоретическим осмыслением общекультурной и литературной общности славянских народов, преемственности связей и взаимных влияний. Сравнительным изучением славянских литератур занимались такие известные исследователи, как Б.М. Жирмунский, Н.И. Конрад, Д.С. Лихачев, М.Б. Храпченко, А.С. Бушмин, И.Г. Неупокоева, М.П. Алексеев, Е.З. Цыбенко, В.А. Хорев; в Беларуси – М.Г. Ларченко, А.И. Мальдис, О.А. Лойко, С.Х. Александрович, В.П. Рагойша, Т.Б. Лиокумович, Н.И. Мищенко и др. В области сравнительного изучения славянских литератур до сих пор остаются нерешенными и спорными многие проблемы и вопросы, особенно принципы литературоведческой типологии. К примеру, романтизм как в русской, так и в белорусской литературах – явление, до сих пор вызывающее горячие споры литературоведов. Зародившись в переломный момент общественно-исторического, политического движения, это направление символизирует собой взлет литературного развития, поскольку основной своей целью провозглашает абсолют Человека. Создать в слове апофеоз личности – сверхзадача любого романтика.

Русская литература с ее богатыми традициями, талантами, огромным классическим наследием, несомненно, оказала благотворное воздействие

на становление и развитие белорусской литературы, что представляет собой не механическое повторение пути русской литературы, а ускоренное, в иные периоды несколько диссонансное, в другие – созвучное с русской литературой постижение правды жизни.

К русской литературе белорусские писатели особенно активно обращались в конце XIX – начале XX веков, что связано прежде всего с бурным, стремительным развитием белорусской литературы, ее непреходящим интересом к культурным ценностям других народов. На переломе двух веков идет борьба за умы и сердца белорусского народа. Белорусские писатели стремились пробудить в народе чувство национальной гордости, собственного достоинства.

Тема «М.Ю. Лермонтов и белорусская поэзия» является одной из неразработанных в русском и белорусском литературоведении, хотя еще М. Богданович говорил о силе и глубине воздействия творчества русского классика на поэтов, читателей. Считая искренность, трагизм, выразительность самыми характерными, яркими чертами творчества Лермонтова, Богданович вместе с тем отмечал однообразие, узость границ таланта русского поэта, объясняя это «однообразием внутренней жизни», «душевым одиночеством» [3, 159]. Такая оценка, на наш взгляд, несправедлива и необоснованна, ибо поэзия Лермонтова отличается многоплановым, разнообразным спектром проблем, тем, мотивов, которые «открывал» и развивал художник в своих лирических (и не только) произведениях. Кроме того, мир его героя – богатая палитра чувств, переживаний, открытий и потерь. Потому не следует сводить наследие русского классика лишь к «душевному одиночеству», являющемуся, безусловно, одной из важных сторон его творческой индивидуальности.

Почему внимание белорусских писателей привлекло творчество М.Ю. Лермонтова? Поэт жил в трудное время: был воспитан на событиях Отечественной войны 1812 года, в нем было сильно развито чувство патриотизма, его восхищал героизм русских солдат, которые сумели отстоять честь своей отчизны. Кроме того, он стал свидетелем выступления передового дворянства против самодержавия за освобождение народа. Остаток своей короткой жизни поэт прожил в годы, когда угнеталось все передовое, честное, когда торжествовали темные силы зла, жестокости. Но и в эти годы Лермонтов верил в силы добра, в их победу, в то, что народ будет свободным и счастливым.

Лирика М.Ю. Лермонтова и Янки Купалы стала объектом исследования не случайно. Каждый писатель в своих письмах, автобиографии, воспоминаниях говорит о духовных наставниках, о тех, кто произвел на него неизгладимое впечатление своими произведениями, поразил каким-то неординарным подходом к решению тех или иных проблем, тем, образов.

Купала в своих автобиографических письмах к Л.М. Клейнборту в числе других писателей и поэтов, наиболее нравившихся ему, неоднократно называл Лермонтова. В поэзии Лермонтова Купале, скорее всего, импонировало его свободолюбие. Видимо, Купалу привлекало и то, что Лермонтов был поэтом мятущимся, беспокойным, не согласным с бесчеловечной системой угнетения, господствовавшей в России, и протестующим против нее, а главное, был поэтом романтического разлада с неудовлетворяющей его действительностью. И Янка Купала в начале своего творческого пути находился в поиске своих тем, жанров, и он, как и Лермонтов, был обеспокоен судьбой честных, думающих людей в эксплуататорском обществе, губящем порядочность. Купала, как поэт, чутко уловил обстановку, основными характерными чертами которой являлись осознание белорусским народом своего униженного положения, стремление уничтожить эксплуатацию, стать свободным, добиться равноправия в «сям’і нялічанай славы».

Борьба за утверждение человеческого достоинства, за личность, ее свободу – главное поэтическое кредо русского и белорусского поэтов. Кроме того, поскольку романтизм – это «удесятеренность чувств» (А. Блок), М.Ю. Лермонтов и Янка Купала основное внимание уделяли не только и не столько фиксации чувств, переживаний личности, сколько их углубленному воспроизведению, выражению.

Многое роднило Лермонтова и Купалу, несмотря на различное социальное положение, исторически обусловленную разность идейно-политических взглядов. И Лермонтов-романтик, и Купала прежде всего акцентировали внимание на трагическом разладе личности, мечты и реальной действительности. У них личность с ее возвышенными, благородными порывами, таящая в себе огромные потенциальные возможности, не примиряется с действительностью, с пронизавшими ее насквозь бездушием и порочностью. Лирические герои русского и белорусского поэтов противопоставляют реальной действительности, в них своеобразно сфокусированы мечты, идеалы поэтов-романтиков, не принимающих общества рабства и насилия, которое, в свою очередь, также их отвергает. Лирический герой романтической поэзии, и лермонтовский, и купаловский в частности, как отражение личности возвышенной, не приземлен, ему свойственно всеобъемлющее и всеохватывающее видение мира. Это личность, прозревающая «внутренним оком», душой Прошлое, Будущее, само Время.

Романтизм Лермонтова – это осознанное продолжение уже существующих литературных традиций (прежде всего Байрона, А. Пушкина), в то время как романтизм Купалы больше подготовлен социально-историческими причинами. Литературные причины романтической эстетики русского поэта были определяющими. Вместе с тем своеобразие ро-

мантизма поэта состояло в том, что вышеуказанные причины были усилены личными и общественными факторами (о чем речь впереди). Кроме того, в отечественной литературе практически отсутствует литературный образец, потому Янка Купала и обращался к творческим открытиям Байрона, Шиллера, Пушкина, Некрасова, Кольцова, польских и украинских художников (Кондратович, Конопницкая, Шевченко), Лермонтова, романтической эстетики которого свойственна устремленность к поиску мира идеального.

Романтизм как литературное направление, как тип художественного мышления всегда находился в центре внимания литературоведов. В 70-е годы прошлого столетия исследования были посвящены проблемам национальной природы, литературных истоков, своеобразия русского романтизма, изучалось развитие, эволюция романтизма в западноевропейской и американской литературах, рассматривались судьбы отдельных жанров романтического искусства и русский романтизм в контексте мировой культуры [10, 28, 44, 52, 53, 55, 57, 58, 60, 75]. Новый всплеск исследовательского интереса к проблемам романтизма (формы романтической типологии, своеобразие романтического дуализма, романтизм на рубеже тысячелетий, идея романтического универсализма и др.) наметился в 90-е годы XX века – в начале XXI столетия [29, 59], что убедительно доказывает, что романтизм по-прежнему – неисчерпаемый источник для научных открытий литературоведов.

В послевоенное время спорадически появлялись работы Г. Березкина, М. Ларченко, в которых рассматривалось влияние поэзии на творчество отдельных белорусских поэтов (М. Богданович, Я. Купала, Я. Колас, Тетка и др.) [6, 7, 14, 35, 36], специальной же разработки эта тема не получила.

Проблемы компаративистики включают в себя и аналитические исследования творчества отдельных писателей, поэтов, их мировоззрений, которые, в свою очередь, подчиняются принципам историко-литературного движения, его закономерностям. Поэтому сравнительный анализ творчества М.Ю. Лермонтова и Янки Купалы, одного из создателей и основоположников новой белорусской литературы, нельзя было не упреждать анализом лирического опыта его предшественников – белорусских поэтов XIX столетия, из которого отбиралось то, что соответствовало задачам нового времени и национальному своеобразию белорусской литературы. Вместе с тем выбор пал и на решение проблемы лирического героя в лирике Лермонтова и Купалы как одной из наиболее актуальных. Объяснимо поэтому стремление не только «выделить» в лирике русского и белорусского поэтов ипостаси лирического героя, но и определить характерологические черты. Кроме того, типологические связи рассматриваются и на уровне содержания и формы (переключки, вариация, контаминация мо-

тивов лирики, образной системы, сопоставление различных реминисценций, аллюзий, ассоциаций и т.д.). Это позволяет полнее решить вопросы историко-литературного и теоретического значения, так как один из факторов становления классических традиций белорусской поэзии начала XX века связан с определенным стремлением молодой литературы к самостоятельному осмыслению и решению как национальных, так и общечеловеческих проблем.

Методологической базой нашего исследования являются достижения современной компаративистики [6, 14, 16, 26, 39, 40, 47, 50], которая предполагает изучение контекстных связей, типологических схождений на разных уровнях, а также важнейшие открытия лермонтоведения [9, 11, 23, 24, 32, 38, 43, 45, 49, 54, 62, 66, 68, 70, 72, 73] и купаловедения [8, 22, 42, 46, 51, 61, 76] последних десятилетий.

Обобщив материал сравнительно-типологического изучения поэтических произведений М.Ю. Лермонтова и Янки Купалы, мы попытаемся реализовать в своем исследовании следующие цели:

- раскрыть масштаб, сущность, многогранность идейно-художественных связей творчества Лермонтова и национального поэта-новатора Купалы в контексте романтизма как литературного направления и романтического типа мышления мировой литературы;
- определить своеобразие типологии лирического героя в лирике Лермонтова и Купалы на фоне эволюции лирического героя белорусской поэзии XIX – начала XX столетия;
- провести анализ типологических параллелей и схождений в лирике русского и белорусского классиков, их исторической и художественной обусловленности.

Результаты исследования могут быть использованы студентами филологических факультетов институтов и университетов, учителями-словесниками, учащимися общеобразовательной средней школы.

ГЛАВА 1. АКСИОСФЕРА ЛИРИЧЕСКОГО ГЕРОЯ В БЕЛОРУССКОЙ ЛИРИКЕ РУБЕЖА ВЕКОВ: НАЦИОНАЛЬНОЕ И ОБЩЕЧЕЛОВЕЧЕСКОЕ, БЫТИЙНОЕ И КУЛЬТУРНО- ИСТОРИЧЕСКОЕ

Внутренний мир человека богат, неповторим, изменчив, неуловим, он вместил в себя все коллизии, катаклизмы, реалии Мира, Пространства, Космоса. Трудно не признать правоту В.Ф. Гегеля, который отмечал, что «...человек в его субъективной внутренней жизни становится художественным произведением» [18, 501], так как мир его чувств, переживаний – опосредованное отражение реальной действительности, которое по своей насыщенности, многообразию красок не уступает реальному торжеству в жизни событий, фактов. Человек – «художественное произведение» – это и есть самое общее определение того содержания, которое вкладывается в широко распространенный термин «лирический герой».

Понятие «лирический герой» особенно важно для анализа произведений романтиков, которые философские, моральные, общественно-политические проблемы «пропускали» через внутренний мир человека. По мнению Л.И. Тимофеева, «плодотворность этого понятия связана прежде всего с тем, что оно позволяет, с одной стороны, рассматривать лирическое творчество поэта целостно, осмыслять все отдельные его произведения как раскрытие единой точки зрения на мир, как систему переживаний, связанных единством эстетических оценок и жизненного опыта, как проявление единого человеческого характера. С другой стороны, понятие лирического героя позволяет с особой отчетливостью показать, что поэт сумел эстетически переосмыслить свой личный жизненный опыт, связать его с общественным, поднять свое личное мироощущение до уровня обобщенного выражения определенных идейно-художественных норм своего времени» [65, 20]. Лирический герой занимает ведущее место в романтической лирике, поскольку сквозь призму его субъективного «я», сквозь призму его мыслей, чувств, переживаний отражается реальная действительность, которую герой воспринимает, критически ее осмысливая.

Определяя понятие лирического героя, Л. Гинзбург говорит о наличии в ранних пушкинских стихах «авторского образа»: «смысл его именно в том, что он как бы слит с реальной личностью. Тогда как лирический герой – это всегда отражение, отделившееся от отражаемого» [20, 197]. Далее Л. Гинзбург продолжает: «Лирическое я Лермонтова собирательно, между тем к нему, без сомнения, применимо понятие лирического героя. Единство авторского сознания, сосредоточенность его в определенном кругу проблем, настроений является необходимым условием возникновения лирического героя; необходимым, но еще недостаточным... В лирике

же Лермонтова личность – не только субъект, но и объект произведения, его тема, и она раскрывается в самом движении поэтического сюжета» [20, 197].

Авторы учебного пособия «Теория литературы» [64] усматривают в подобном определении подмену понятий, что приводит к устранению различий между лирическим героем как неотъемлемой принадлежностью лирики и художественным образом, являющимся идейно-структурным центром эпоса. Потому они предлагают называть лирического героя «не субъектом и объектом одновременно, а субъектом-в-себе и субъектом-для-себя» [64, 344].

Такая трактовка данного понятия представляется обоснованной. В то же время нельзя не согласиться с точкой зрения Л. Гинзбург относительно «суммарности» «лирической личности»: «Лирическая личность, даже самая разработанная, все же суммарна. Лирика вызывает ассоциации, молниеносно доводящие до читателя образ, обычно уже существующий в культурном сознании эпохи. Лирика обогащает и варьирует этот образ, она может совершать психологические открытия, по-новому трактовать переживания человека. Но построение индивидуального характера оставалось обычно за пределами целей, которые ставила себе лирика, средств, которыми она располагала» [21, 163]. Причем «суммарность» не следует отождествлять с «типичным» и «типическим», являющимися признаками реалистического искусства, реализующимися в эпических и драматургических произведениях.

В.Е. Хализев характеризует лирического героя как «носителя переживания», который «не просто связан тесными узами с автором, с его мироотношением, духовно-биографическим опытом, душевным настроением, манерой речевого поведения, но оказывается (едва ли не в большинстве случаев) от него неотличимым» [67, 351]. В то же время исследователь признает, что чувства, переживания, отраженные в лирическом произведении, «могут принадлежать как самому поэту, так и иным, не похожим на него лицам» [67, 352].

Понятие «лирический герой» Хализев связывает с главной отличительной особенностью лирики – ее «автопсихологичностью» [67, 352]. Литературовед признает, что наряду с лирическим «я» «в составе лирики весьма значим феномен лирического «мы», поныне остающийся «недостаточно изученным. Семантика этого «мы» разнопланова и богата» [67, 353]. По сути, Хализев говорит о той же «суммарности», которую в «лирической личности» видела Л. Гинзбург. Это еще раз доказывает многоплановость, сложность лирического героя, определяемые «автопсихологичностью» и «полисубъектностью», которые свойственны лирике.

И В.Ф. Гегель, и В.Г. Белинский отмечали главную особенность лирической поэзии – ее субъективизм. Причем В.Ф. Гегель больший упор делал на философский аспект этой проблемы: прежде всего он «выстроил» логическую цепь появления на свет, «рождения» лирического произведения, цепь, созданную на основе теории отражения: «Настоящая лирика, как всякая подлинная поэзия, должна раскрывать подлинное содержание человеческого сердца. Но предметное и субстанциальное в качестве лирического содержания должно проявиться как субъективно воспринятое, наглядно постигнутое, представленное или помысленное» [17, 300].

В.Ф. Гегель и В.Г. Белинский практически в едином ключе рассматривали роль самого поэта в лирике. Так, Гегель говорит о «поэтическом конкретном субъекте, поэте» [17, 305], являющемся центром лирической поэзии. Кроме того, Гегель определяет и уточняет роль этого «субъекта, поэта», главный путь воздействия которого на читателя видит не в «реальном действии и акте», а в слове, раскрывающем «внутреннее чувство высказывающегося субъекта» [17, 305]. Итак, по Гегелю, в лирике поэт интересен не поступком, не деянием, а чувством.

В.Г. Белинский в лирической поэзии ведущую роль отводит самому поэту. Кроме того, в лирике мир действий, по Белинскому, переходит в мир переживаний, мир воспринимаемый – в мир воспринятый, а значит, получивший искреннюю субъективную оценку самого поэта: «...содержание лирического произведения не есть уже развитие объективного происшествия, но сам субъект и все, что проходит через него» [4, 45].

Закономерен вопрос: почему утверждение понятия лирического героя началось именно в романтизме? Почему произведения классицизма были лишены этого героя?

Романтизм возник и развивался на волне крутого поворота истории, на волне движения к личности. Романтики представили мир в совершенно ином ракурсе, нежели классицисты: во главу угла поставили Человека, благодаря которому история то неумолимо двигалась вперед, то происходили сбои в этом движении. Только поняв человека, можно разобраться и объяснить общественно-политические катаклизмы, исторические процессы. Герой в романтической лирике не утратил своих гражданских качеств (особенно в поэзии декабристов). Однако гражданская позиция в романтической поэзии предстает прежде всего как совокупность нравственных качеств.

Поскольку романтики «ушли» в мир отдельной личности, поскольку она стала для них средоточием реалий Мира, Вселенной, то и возник вопрос о специфическом герое романтической лирики. Кто этот герой – субъективное отражение личности поэта или герой-обобщение, придуман-

ный и созданный воображением лирика? Этот вопрос, поставленный самой литературой, требовал своего разрешения.

М.Ю. Лермонтов заявил о себе как поэт после 1825 года, когда, по словам А.И. Герцена, «людьми овладело глубокое отчаяние и всеобщее уныние» [19, 214]. Поэтому в его стихотворениях, говорил В.Г. Белинский, «...уже нет надежды, они поражают душу читателя безотрадностью, безверием в жизнь и чувства человеческие, при жажде жизни и избытке чувства... Да, очевидно, что Лермонтов поэт совсем другой эпохи и что его поэзия – совсем новое звено в цепи исторического развития нашего общества» [5, 503].

Однако, как отметил Б.М. Эйхенбаум, «декабризм сам по себе – недостаточная база для понимания Лермонтова. Став для него моральной школой героики, декабризм подготовил поэта как к восприятию философского наследия прошлого, так и проторению путей последующего этапа политического и художественного самопознания, обусловленного духом нового времени» [74, 15].

С другой стороны, 30-е годы XIX века были временем нового взлета романтизма, чему способствовали объективные обстоятельства: «...усиление полицейского режима самодержавного государства, жесточайшее подавление свободы и личности, культ насилия и надругательства над высокими идеалами вольности и независимости – все это способствовало бурному расцвету в новых условиях романтизма» [45, 64]. Романтизм окажется жизнеспособным и в последующие десятилетия, дополняя и обогащая реализм. При этом романтическое начало будет проявляться и в поэзии А. Фета, Ф. Тютчева, Н. Некрасова (особенно в стихотворениях о любви, в сборнике стихов «Последние песни»), и в прозе. Трудно представить пейзажи И. Гончарова, И. Тургенева без черт романтического искусства. Героям Тургенева 50-х годов свойственны высокие романтические идеалы свободы, жажды деятельности при отсутствии объективных условий для самореализации, самоотверженной любви и героического подвига как акта самопожертвования во имя идеала добра, справедливости или патриотической идеи.

Романтизм окажется востребованным и в творчестве Л. Толстого (идея подвига, красоты и благородства личности), Ф. Достоевского (постижение «человека как тайны»), В. Гаршина (реализация проблемы трагического нравственного разлома, одиночества личности), В. Короленко (удивительное мастерство передачи колорита «экзотичности» Сибири, Якутии, пейзажей средней полосы России), Н. Лескова (особое осмысление романтического не как исключительного, а как обыденного, и поиск в обычном важного, определяющего для личности), А. Чехова (безотчетная

тоска по прошлому как идеальному и ожидание будущего как надежды на счастье).

Романтизм проявится и в литературе XX века: в поэзии А. Блока, Б. Пастернака, М. Цветаевой, прозе М. Булгакова, Л. Леонова, других художников.

Нельзя забывать и о влиянии на формирование творческой личности М.Ю. Лермонтова поэзии Дж. Байрона. Лермонтов отмечал некоторое сходство своей судьбы с судьбой Байрона: «У нас одна душа, одни и те же муки...», но находил и различия, понимая, что он вырос на иной почве и потому «с русской душой» («Нет, я не Байрон, я другой...»); дух России, ее история, ее судьба – неотделимы от его судьбы, это боль поэта, его страдания.

Идеалом М.Ю. Лермонтова был А.С. Пушкин, который поражал воображение не только своим непревзойденным талантом, но и нравственной стойкостью, крепостью духа, желанием и умением противостоять лагерю противников всего смелого и передового. Но если говорить о причинах личностного характера, то следует обратиться к словам самого поэта: «Во всяком сердце, во всякой жизни пробежало чувство, промелькнуло событие, которых никто никому не откроет, а они-то самые важные и есть, они-то обыкновенно дают тайное направление чувствам и поступкам» [37, 6, 191].

М.Ю. Лермонтов был одаренной от природы личностью. Теперь часто говорят: «Человек начинается с детства», и можно только поражаться, как удивительно быстро и глубоко постигал мир Лермонтов-ребенок. Так, вспоминая себя в шестилетнем возрасте, поэт писал: «Он разлюбил игрушки и начал мечтать. Шести лет он уже заглядывался на закат, усеянный румяными облаками, и непонятно сладостное чувство уже волновало его душу, когда полный месяц светил в окно на его детскую кровать» [37, 4, 262]. Удивительным может показаться и то, что в десять лет он, Лермонтов, впервые испытал чувство любви. Но вместе с тем именно в детстве пережил трагедию, которая во многом определила его судьбу, наложив отпечаток на все творчество. Насильно разлученный с отцом, Лермонтов продолжал любить его, несмотря на неприязнь, которую испытывала к зятю бабушка поэта. Стремление Арсеньевой оградить внука от влияния отца обернулось не благом, а, наоборот, злом. Но, несмотря на всяческие препятствия, отец оставался для поэта близким человеком, а слова Юрия Петровича, обращенные к сыну незадолго до своей смерти, и сейчас звучат как мудрые и прозорливые. В них – и совет, и духовное завещание, и, может быть, одна из первых высоких оценок таланта поэта: «Хотя ты еще и в юных летах, но я вижу, что ты одарен способностями ума, – не пренебрегай ими и всего более страшись употреблять оныя на

что-либо вредное или бесполезное: это талант, в котором ты должен будешь некогда дать отчет Богу! Ты имеешь, любезнейший сын мой, доброе сердце, – не ожесточай его даже и самую несправедливостью и неблагодарностью людей, ибо ожесточением ты сам впадешь в презираемые тобою пороки» [62, 63]. Таким образом, в детстве, юности и происходило наиболее интенсивное формирование поэтической личности М.Ю. Лермонтова, которое впоследствии обрело вполне определенную форму выражения – его романтическую лирику с таким мощным и неповторимым лирическим героем в центре.

История литературы свидетельствует, что в пору жестокого гнета, лишения личности социальной свободы лирика достигала вершин своего расцвета. Иногда в творческой свободе находила свой выход, способ реализации общественная несвобода духовного потенциала общества. Лермонтовский герой – продукт периода определенного спада общественной активности дворянской молодежи. Лирический герой потому приобретал особую роль, что в нем были сфокусированы тревоги, боль, жажда борьбы при отсутствии объективных условий осуществления замыслов, планов.

Лермонтовский лирический герой – личность мятущаяся, ищущая, беспокойная, однако она в большей, нежели у А.С. Пушкина, степени поражена скептицизмом, хотя в ней есть проблески веры в лучшее, в возможность осуществления каких-либо перемен. Лирическое «я» Лермонтова – своеобразный микрокосм, в котором – буря противоречий, огромная работа мысли, противоборство сущего и желаемого. Такое перенесение проблем мира реального, проблем вселенского масштаба в мир «я» и в мир «мы» было исторически оправданным и составляло одну из существенных черт романтизма М.Ю. Лермонтова.

Лирический герой М.Ю. Лермонтова – довольно сложное явление: то его лирическое «я» принадлежит самому поэту, фокусируется на его мыслях, поступках, переживаниях, то чувства переносятся на некий остранный лирический персонаж «ты» или «мы» («Дума»). Потому провести четкую грань между романтическим, автопсихологическим лирическим «я» поэта, «ты» лирического персонажа, полисубъектным «мы» очень трудно. Лермонтовский герой решает проблемы своего субъективного «я» в двух проекциях: Человек – часть Природы, Человек – часть общества. Насколько гармоничен союз человека и природы, совершенен ли человек, – эти и другие вопросы помогают понять «природу» лирического героя русского поэта.

Купаловский романтизм возник на волне возрождения белорусской нации. Возможно, этим объясняется необычность лирического героя Я. Купалы. С одной стороны, это «мы» – «суммарный» (И.Я. Науменко/

мужик /крестьянин) – герой, к разуму и чувству которого поэт постоянно обращается, стремясь постичь в нем самое лучшее.

С другой стороны, лирический герой – «я» поэта и двойник поэта, в некотором роде идеальная романтическая личность, беспокойная, мятущаяся, равнодушная, осознающая свою отверженность окружающими людьми, причина которой определяется социальными и моральными факторами. В этот исторический период нужен был именно такой лирический герой, ибо он будто вобрал в себя все противоречия мира, поднявшись над обыденностью, но не отрываясь от реальности.

Нельзя не согласиться с О.А. Лойко, удивительно точно, на наш взгляд, определившим причину личностного характера романтизма белорусского поэта: «Купала родился романтиком» [41, 83]. Янке Купале, действительно, от природы было свойственно романтическое восприятие окружающего мира. Именно этим и объясняется романтическая возвышенность его поэзии, ее округленность, космичность, ее новаторский для белорусской литературы дооктябрьского периода лирический герой – герой новой белорусской поэзии всего XIX века, находящийся в стадии своего формирования, еще не обладающий определенными, устоявшимися чертами.

Белорусская лирика дореформенной и послереформенной поры в целом была обращена к белорусскому мужику. В своих стихах поэты поднимали проблемы социальные, нравственные, патриотические.

Безусловно, в центре внимания этой лирики стоял народ, его судьба, его будущее. Сквозь призму судьбы народа белорусские поэты стремились определить и свою судьбу, выявить свое общественное назначение. Потому мотив конкретной, индивидуальной судьбы и судьбы общечеловеческой, общенародной занимал немаловажное место в ряде произведений П. Багрима, Я. Лучины, Ф. Богушевича и др.

Представления героя стихотворения П. Багрима «Зайграй, зайграй, хлопча малы...» о путях выхода из жизненного тупика имеют довольно нечеткие очертания. Для него мир – все еще «бездорожье», отсюда и определенная растерянность перед этой жизнью, и поиски единственно верного пути, глубокое постижение действительности. Свидетельством беспокойства героя, его душевного напряжения, одиночества являются и полные отчаяния, ни к кому конкретному не обращенные вопросы, и апелляция к Богу, и неожиданное перевоплощение в «ваўкалака». Герой в отчаянии:

Дзе ж я пайду? Мілы божа!
 Пайду ў свет, у бездарожжа,
 У ваўкалака абярнуся,
 З шчасцем на вас азірнуся.

Из «Гутаркі старога дзеда» (В. Каратынский), его наставлений мужикам явствует, что «Долю добру выбіраці» – задача самих мужиков; никто, кроме «Народа простага», не сможет «Палягчыці нашу долю».

Герой стихотворения В. Каратынского «Туга на чужой старане» не представляет своей жизни без родной земли, потому обвиняет свою «горкую долю», что лишила его «сардэчнага краю», – отсюда и одиночество героя, и все его беды. Мотив одиночества только намечен, так как поэта больше интересуют ежедневные заботы мужика. Стремление же к самопознанию, самоуглубленному анализу личных переживаний, попытки отыскать первопричину страданий еще не получили философского, обобщенного характера, свойственного произведениям Я. Купалы, выявившим не только мотивизацию душевного разлада лирического героя, но и наметившим пути реализации человеческих возможностей.

Если в представлении героя В. Каратынского судьба – некая довлеющая над человеком, неподвластная ему сила, то в стихотворении Я. Лучины «Вясна» судьба – долгожданная «вясна». Герой Лучины не безропотно воспринимает свое положение («І не свеціць яшчэ ў пацёмках зара»), готов «На край света» идти, искать «долю», чтобы не лишиться последней надежды. Верными ориентирами в поисках «долі праўдзівай», «долі мужыцкай» герою Я. Лучины служат совесть, разум – они не позволяют свернуть с единственно верного пути («Дзень за днём»).

Стихотворение Л. Витана-Дубейковского с символическим названием «Бура» полно оптимизма, веры, что «хмары перастануць Зацямяці нашы дне», потому что народ – не пассивный наблюдатель, а активный боец, способный приблизить приход правды, лучшей доли для себя и своего края, утвердить человеческое и национальное достоинство белоруса. Эта намеченная в стихотворении Витана-Дубейковского тема в дальнейшем полно и ярко будет представлена в произведениях Я. Купалы.

Наиболее точное определение народной судьбы, ее поисков дано в сконцентрированном виде в стихотворении Тетки «Ой, у полі вецер вые...»:

Ой ты, доля, наша доля,
Дзе ты, дзе ты запрапала?!
Мабыць, доля, ты – нядоля,
Дзесь з панамі загуляла.

Судьба – нечто неуловимое, трудноопределимое. То она в руках героя, и тогда можно что-то изменить в окружающем мире, то она – за границей достижимого, и в таком случае человек бессилен, растерян, бесправен. С понятием «судьба» поэты дореформенной и послереформенной поры связывали надежды на лучшее и своих героев, и родного края. Именно она, судьба, определяла внутреннее состояние героя и в некоторой степени

расстановку социальных сил. Поэты приходили к неизбежному выводу – об активной роли личности.

Мечта героя стихотворения «Праўда» Богушевича – царство Правды, способной объединить людей, уничтожить врагов. Герой в обращении к Богу, властителю земли и неба, выражает надежду, что только он может изменить существующий порядок вещей.

Сердце героя В. Савича-Заблоцкого живет неистребимой, страдающей любовью к земле «родной», грустью «ад сэрца». Любовь и грусть в трактовке Савича-Заблоцкого приобретают вселенский размах, взаимодополняя друг друга, ибо для героя поэта любовь к земле – это и «святая», всеобщая невыплаканная грусть, и боль мира:

Маліся, плач і грудзь раскінь,
Штоб вецер біў у яе крылом,
І сэрца гладзь свайго разінь,
Штоб від няўзгод астаўся ў ём.

(«У роднай зямлі»)

Такое перенесение боли одного человека на боль вселенскую, ощущение себя частицей мира станет впоследствии одним из ведущих, определяющих свойств лирики Я. Купалы.

Понятие «душа» в дореформенной и послереформенной белорусской поэзии было сродни понятию духовности вообще. Так, Вярига-Даревский говорил о душе «чыстай» («Думка»), которая устояла перед соблазнами продажного мира, оказалась неподвластной никаким невздам. «Хлеб для души» ассоциируется у него со свободной песней, которую повсюду сеет песнярь. Добрые всходы неподкупной песни пробуждают в человеке самое сокровенное, «питают» душу («Далібог-то, Арцім...»). То «баліць душа» болями народа и мира, она – эпицентр страданий («Арцемка дарагенькі...»).

У героя Ф. Богушевича песня может вызвать уже почти фантастическое перевоплощение души, ее «отрыв» от земного, состояние взлета, всеохватывающего парения над землей. Она – будто промежуточное звено между землей, человеком и небом:

Выйдзе душа парай,
Падымецца з хмарай,
Туманом па рэчцы,
Расой разліецца...

Душа героя Богушевича болит от несоответствия, разлада между существующим и желаемым, обладает даром предвидения, предчувствия надвигающихся бед:

Чагось мне маркотна, на плач забірае:

Мусіць, душа чуе якоесьці гора...

(«Думка»)

Герой А. Гуриновича стремится развеять душевную тоску, вызванную тяжелыми мыслями о жизни («Цясней і гарчэй Здаецца на свеце на гэтым жыццё»), связывая свое возрождение с миром природы, со спокойствием ночного неба, леса:

...пагляжу

На ціхую ночку, на цёмненькі лес,
Лягчэй, можа, стане, як там пахаджу,
І смутак загіне, што ў душу залез.

(«Сцямнела на дворы і ціха кругом...»)

То «мучаць душу» героя мысли, верный ли выбран ориентир в жизни, нужны ли его песни, созданные в «час думкі і ў добрай веры» (Я. Лучина. «Пагудка»).

В. Сыракомля в стихотворении «Ужо птушкі пяюць ўсюды...» связывает приход весны с надеждой на изменение судьбы народа к лучшему.

В. Каратынский предсказывал приближение времени, дарующего свободу. Самое главное, по мнению поэта, не упустить этот момент, не совершить роковой ошибки, которая может стоить очень дорого: на века будут утеряны свобода, счастье («Гутарка старога дзеда...»).

В стихотворении «Пад дуду» Ю. Лесковский предпринял попытку соединить в неразрывные понятия «время», «мир», «судьба», выявить соотношение времени и судьбы человека. Однако стихотворению в определенной степени присущ пессимизм, а герою отводится роль пассивного, ожидающего лучшей доли созерцателя жизни.

И только Тетка твердо верит, что наступит время и мужик отомстит за свое униженное положение, обиды, нанесенные ему угнетателями:

О, прыйдзе – пара настане,
Што за крыўду мужык ўстане...

(«Нямаш, але будзе...»)

Мужик (Ян Барщевский. «Не будзем жыці...») глубоко переживает состояние, когда нет «шчасця-долі», видит виновника своих бед – пана. Однако в его словах «Не будзем жыці, Пойдзем блудзіці» звучат и безысходность, и пассивный протест, который проявляется в бегстве от проблем жизни.

Герой Я. Чачота еще уповает на поддержку и помощь Бога: «Божа! Дай нам знаць!» («Нашто нам дым выядае вочкі?...»). В стихотворении Ф. Савича «Дзе ж тое шчасце падзелася?...» герой всю вину за то, что «жыці няміла», возлагает на господство безнравственных порядков и людей, которые «з чалавека высысаюць сілы...».

К. Каганец говорит уже о том, что белорусский народ понял: утрата былой славы, темнота, бедность, отсутствие счастья – это не только тяжелое бремя, в этом есть и его вина.

Одно из ярких определений времени, его противоречий принадлежит Ф. Богушевичу: «...жыццё цяпер труднае стала». Это и констатация, и вывод, к которому подводят героя его наблюдения над жизнью, утратившей самое главное, на чем должен держаться мир, без чего в нем господствует безнравственность, – «праўда прапала!». Всему виной – установившийся порядок:

Судоў нарабілі, начальстваў ці мала:
Пасрэднік і воласць, сінод і сенаты,
Прысуцтва і вокруг, управы, палаты.

(«Як праўды шукаць»)

Вынося суд бытовой, герой Ф. Богушевича осознает и осуждает такую расстановку сил, при которой один обладает всеми земными благами, другой – живет и умирает в нищете. Героя возмущает и то, что все это идет от бога, который «не роўна дзеле». Эта формула, вобравшая в себя гнев героя, его отчаяние, – отражение вековой народной мудрости: «Бог сіроты любе, але долі не дае»; слова, взятые поэтом в качестве эпиграфа, в которых – в синтезированном виде – горький итог жизненных наблюдений мужика: «Бог не роўна дзеле».

Унижен, забит белорусский народ, который сам о себе говорит: «...мы бедны, мы галодны» (К. Каганец. «Плач беларуса»). Но, хотя белорусы «Цемнатою адзеты», нужна искра, способная вызвать пламя, растопить сердца людей, и тогда преобразится Беларусь, откроются тайники «души» народа, предстанет край в блеске своего возрождения:

І Беларусь та журліва,
...У нову шату апранецца
І празрыць вачыма.

(«Плач беларуса»)

Стон народа («Над няшчаснаю доляй сваёй» А. Гуриновича) нельзя сравнить ни с воем ветра, ни со скрипом березы, ни даже с плачем матери над умершим сыном. Этот плач-стон раздается над всей землей, достигая неба, разносится по бескрайним просторам.

Таким образом, герой белорусской поэзии дореформенной и послереформенной поры – мужик. В стихах белорусских поэтов Я. Чачота, Я. Барщевского, Ф. Богушевича и др. мужик – неутомимый труженик, всю жизнь прозябает в нищете, бесправии. Это герой со строго очерченным кругом забот, интересов, стремлений. Он еще не настолько «вырос» духовно, чтобы суметь объяснить причину своих бедствий, бороться с собственной покорностью. Лирический герой поэтов-предшественников

Я. Купалы отдает себе отчет, что способен на большее, чувствует в себе силы, но, задавленный жизненными обстоятельствами, не может преодолеть их и часто апеллирует к Богу. Безрадостна судьба этого человека, ему дорог его край, с которым он связан неразрывными узами. И нет такой силы, которая смогла бы разлучить мужика с тем, что стало родным навеки.

В лирике дореформенной и послереформенной поры намечается и другой герой, герой-интеллигент, народный заступник, которого охватывает грусть от безграничности страданий народа, от мысли, что судьба его края останется неизменной:

О братцы! Як смутна мне.
Скажыце, прашу вас, ці гэта страна
Ёсць Русь наша Бела, ці не?..

(В. Савич-Заблоцкий. «З чужбіны»)

Герой не может поверить в бесправие своей Белой, чистой Руси, в ее униженное положение – оттого и тоска его беспредельна.

Лирический герой – «ты», «двойник» поэта в дореформенной и послереформенной белорусской поэзии только намечен (в лирике Я. Чачота). У героя П. Багрима проявляется лирическое «я», личностное начало, несколько мифологизированное. В 50–60-е годы XIX века в стихотворениях Ф. Богушевича, Тетки и других сделан определенный шаг к лирическому «я» поэта, потому произведения, созданные в этот период, – в основном о судьбе поэта, его чувствах, переживаниях. Появляется образ народного интеллигента (стихотворения В. Савича-Заблоцкого, А. Гуриновича), представленного в двух ипостасях: в образе народного заступника и образе шляхетского революционера. Этот герой пытается решить проблемы общественного развития, дать им оценку в философском ключе, что объясняет движение, проецирование мыслей, замыслов на несколько плоскостей (Время, Пространство, Мир). Отсюда и его самоуглубленное «прочтение» Души, Судьбы народа. В то же время герой не может нарушить привычного течения жизни, привязан к земле, живет заботами своего народа и края.

Лирические герои М.Ю. Лермонтова и Я. Купалы – неоднолики. Герой М.Ю. Лермонтова определяется авторским «я», индивидуальными, автобиографическими чертами; это – и «ты», поэт-избранник, пророк, образ остранный, классически-монументальный; это и «мы» – представители, выразители дум и чаяний целого поколения дворянской молодежи последекабристской поры.

У Я. Купалы лирический герой – это тоже его авторское «я», с позиций которого он часто осуждает или оправдывает действия, мысли крестьян, это «ты», «двойник» поэта, пророк, для которого народ – «брат». Это и «мы» – «суммарный» герой, белорусский крестьянин, мужик, находящийся

в начале пути самоопределения в мире духовного самопознания, общественно-социального роста.

Оба поэта двигались к своему герою различными путями, обусловленными общественно-историческими литературными реалиями и причинами. Однако важен итог, свидетельствующий о близости их идейно-эстетических и художественных решений.

Лирический герой Купалы и Лермонтова может быть рассмотрен только в контексте романтической эстетики, ибо романтический характер героя проявляется и в образной системе лирики, ее структуре, ведущих мотивах, определяемых традиционным для романтиков двоemiрием.

ГЛАВА 2. РОМАНТИЧЕСКОЕ ДВОЕМИРИЕ В ЛИРИКЕ РУССКОГО И БЕЛОРУССКОГО ПОЭТОВ

2.1. Вселенское и земное

Для романтической эстетики характерны оппозиции и двоемирие, уходящие своими корнями в мифо-поэтическое творчество, систему бинарных оппозиций как универсальное средство и способ познания мира. Однако романтическому искусству в отличие от мифологии свойственны индивидуализация, обращение к внутреннему миру личности, ее самобытности, оригинальности, исключительности. Дистанцирование и поляризация, оппозиция в романтизме в своей природе близки мифологии, но у романтиков они расширены и конкретны.

Романтическая концепция мира основана на романтическом дуализме. Это философское учение литературовед Е.Г. Милюгина рассматривает в нескольких проекциях: его гносеологический аспект, как этическую и эстетически-ценностную категорию, как принцип творчества [48, 24–31]. Общие оппозиции, позволяющие выделить ведущие мотивы в лирике обоих поэтов, выявляют и аксиосферу героя. Мир лирического героя русского и белорусского поэтов, на наш взгляд, структурирован дуалистическими оппозициями: бытие – быт, идеал – действительность, личность – мир, ставшие универсальными для романтиков.

Мотив судьбы актуализировал в лирике обоих поэтов номинации «Душа», «Время», «Пространство» и неразрывно соединен с мотивами вины и суда.

Судьба у Лермонтова – воплощение силы, карающей, беспощадной и, самое главное, ожидаемой: «Я знал: удар судьбы меня не обойдет» («Не смейся над моей пророческой тоскою»). Герой М.Ю. Лермонтова не мыслит своей жизни без «вдохновенья», творческих озарений, открытий, полета души, и потому его томит, угнетает бытие своим однообразием: «Скучал судьбою бытия» («Мне любить до могилы творцом суждено»). «Судьба бытия» – понятие емкое, философское, вмещающее в себя противостояние вещного, обыденного мира и вечного, недостижимого, таинственного.

У русского поэта судьба подобна властелину, которому подчиняется даже Время, и в этом – некая неотвратимость, беспомощность человека перед лицом факта: «...судьбе послушно, Года уходят будто сны...» («Одиночество»).

Лермонтовский герой верит также в «звезду судьбы», хотя она для него «Померкнула с давнишних пор» (Стансы («Взгляни, как мой спокоен взор...»)). Эта звезда воспринимается им как мистическая сила, вера и надежда.

Судьба неумолима, слишком строги и непререкаемы ее законы («Желание» («Зачем я не птица...»). Человек должен принимать судьбу такой, какая она есть: ропот и возмущение бесполезны, попытки навязать ей свои условия тщетны: «Но тщетны мечты, бесполезны мольбы Против строгих законов судьбы». И в то же время герой Лермонтова смело заявляет о своем презрении как к судьбе, так и к миру, говорит о своем человеческом достоинстве, о полном равнодушии к приходу «Кончины иль лучшего дня».

Судьба, соотношение судьбы одного человека и Мира иногда трансформируется у белорусского поэта в будто по-лермонтовски романтическую сферу. Я. Купала подбирает ставшие традиционными для поэтики романтизма образы «пути», «солнца», «ночи», «вечера», «тумана», «сна» и т.п., отказывается от подробностей, деталей, все внимание – на ретроспекцию, протяженность: прошлое, настоящее, перспектива будущего лирического героя, попытка осмысления бытия, судьбы в Пространстве, космосе. Действительно, герою тяжело, ибо дорога его «не сцелецца сонцам і кветкамі», «Вечар і ночка закрылі... раніцу», но своеобразное противостояние этому – «Вера ў дзень заўтрашні». Она заслоняет собой все, не дает покоя, заставляет «не чакаць», идти «далее». Эта вера у Я. Купалы – как животворный родник, сильный, помогающий непокорно, «шукаючы ўсё», идти дальше, «Покі не згасне жыццё!..» («Шлях мой...»).

Довольно часто использует Я. Купала традиционный для фольклора образ «долі». «Судьба изменчивая» приносит герою только несчастье. Цепь бесконечных мытарств, бед, тоски – это тоже судьба, вызывающая у героя единственное желание – смерть, и тогда «ўсміхалася шчасцем магіла». Поэт, по-романтически придавая абстрактный характер судьбе как понятию, рассматривает ее изолированно от своей жизни и считает, что, прежде чем боги дали судьбу герою, она родилась в «цернях», ее «зіма і слата гадавالی» («Мая доля»).

Купаловский лирический герой не раз задает себе вопрос: «Что такое судьба, предначертана ли судьба всему народу?», воспринимая ее как «змянлівую» («Мая доля»), непостоянную, но для самого героя она всегда «горкая доля» («Я хацеў бы...»), приносящая не радости, а только потери, тревоги. Когда герой говорит о «роке сляпым» («Прыстаў я жыць...»), равнодушном к человеку, его запросам и бедам, может показаться, что он полагается только на судьбу, ничего не предпринимает, чтобы изменить жизнь. Однако это не так. Он считает: не следует рассчитывать на бога, на судьбу. Только борьба, вера в торжество справедливости помогут народу преодолеть все беды, коренным образом изменить свою судьбу и стать счастливым, свободным:

Нам трэба жыць і долю папраўляць,

Каб нас патомкі з часам не клялі.

...І заживём шчасліва мы тады,
Як прадзеда век нашы не жылі.

(«Пакіньма напуста на лёс свой наракаць...»)

Таким образом, у Я. Купалы судьба реальная, идущая от жизни, если это судьба героя «суммарного», героя-мужика. Лирический герой-двойник Купалы – явление иного порядка, и судьба у него иная: она метафизическая, это скорее рок, но рок как игра светлых и темных сил, доброго и злого начал, предначертанная свыше. В такой судьбе – романтическое вообще, лермонтовское – в частности.

Судьба Человека вообще, судьба лирического героя неизбежно связана с судьбой конкретного человека, что обуславливает постановку вопроса о наличии или отсутствии элементов автобиографизма в лирике русского и белорусского поэтов.

В начале своего творческого пути М.Ю. Лермонтов словно следует формуле: «Все во мне, и я во всем!» (Ф.И. Тютчев. «Тени сизые смешались...»). Средоточием всех мыслей, чувств, идей, переживаний долгое время для русского художника был романтический герой, во многом похожий на него самого. Биографизм у М.Ю. Лермонтова – это не просто обращение к фактам биографии, изложение их, а скорее философское осмысление биографических обстоятельств, стремление соотнести их с судьбой целого поколения, попытка создать психологический портрет современника, портрет «мы». Даже когда Лермонтов упоминает о конкретных биографических обстоятельствах: разлуке с отцом, далекой Шотландии – родине его предков, неразделенной любви – даже при этом сквозит желание придать им обобщенный характер.

Милые, дорогие сердцу поэта картины, «Родные все места: высокий барский дом И сад с разрушенной теплицей», «...за прудом село...» возвращают в детство и являются контрастом равнодушной, лицемерной «пестрой толпе» («Как часто, пестрою толпою окружен...»).

Упоминание о Шотландии – дань уважения предкам, память о своих «корнях», о том, кто ты и откуда, так как человек без прошлого – потерянный человек, которого ничто не привязывает к жизни, и он ничем не дорожит:

...В горах Шотландии моей.
Летит к ней дух мой усыпленный
Родимым ветром подышать
И от могилы сей забвенной
Вторично жизнь свою занять!..

(«Гроб Оссиана»)

Трагедией всей жизни поэта была ранняя смерть матери: «В младенческих летах я мать потерял...» («Кавказ») и вынужденная разлука с отцом. У этой разлуки не было оправданий, и сколь бы ни были жестокими, суровыми обвинения в адрес отца, Лермонтов сохранил к нему чувство уважения, любви и вины за все несправедливости судьбы:

Ужасная судьба отца и сына
Жить розно и в разлуке умереть...

(«Ужасная судьба отца и сына»)

Янка Купала не стремился к точной передаче конкретных фактов своей биографии. В его стихотворениях, отражающих «фазы жизни», ассоциации, вызванные теми или иными событиями, перенесение из мира «факта» в мир «чувства». Такое перенесение из мира осязаемого, видимого в мир глубоко личных переживаний, в мир внутренней трагедии личности – результат непримиримости, противоречия между внутренней свободой личности и ее внешним «рабством», зависимостью от власти имущих, от несправедливости, жестоких порядков. И хотя поэт осознает свою неразрывную связь с народом, ощущает его поддержку, он отдает себе отчет в своей исключительной роли поэта-«званара». А эта миссия не только почетна, она прежде всего ответственна и нелегка, ибо нужно быть искренним, честным, сильным. Сила духа, воли проявляется и в умении скрывать свое разочарование в жизни, свою боль. Потому как проявление подлинного откровения, не свойственного Купале, и следует воспринимать исполненные ощущения своей горькой участи, одиночества строки:

Нявольнік дум сваіх і сноў,
Сябе самога раб няшчасны,
Я скрозь жыццё адзін сам шоў,
Пуціны не зазнаўшы яснай.

(«Сыйду...»)

Глубоко личностный характер носят те стихотворения Я. Купалы, в которых он – в раздумьях о судьбе своей семьи, самого себя («Зоркі»), своего бедствующего, страдающего края. Боль за все это – боль лирического «я», человека, связанного кровными узами с родным краем, и «ты» двойника поэта, «сына зямлі», «сына мира», которого тревожит судьба Земли, ее будущее. Потому и его Батьковщина воспринимается как часть огромного мира, это тоже боль «я» и боль «ты». И пока на Земле царят несправедливые порядки, пока господствует и правит миром безнравственность в различных проявлениях, герой будет страдать:

Калі ж ты, Бацькаўшчына-маці,
Устанеш к новаму парадку?!

(«Крыўда»)

Лирический герой сравнивает свою жизнь с «узаконенным прыгонам». Однако никому не удалось «стаптаць душу» («На суд») его, он сохранил чистоту своих помыслов, идей. Такие стихи-откровения поражают своим трагизмом. В судьбе героя отразились все беды и его родного народа, и его несчастливого края, и всего Мира.

Не случайно созвучие мыслей лермонтовского стихотворения «И скучно и грустно» и купаловского «Нашто?». Цепь рассуждений-разочарований приводит героя «ты» М.Ю. Лермонтова к горькому выводу:

И жизнь, как посмотришь с холодным вниманьем вокруг, –
Такая пустая и глупая шутка...

(«И скучно и грустно»)

Теми же мыслями о бесполезности, ненужности доброго, чистого проникнуто и стихотворение Купалы «Нашто?». И для героя белорусского поэта «жизнь – шутка», так как его высокие порывы, искренние чувства наталкиваются на глухую стену непонимания, холодности, и тогда он подобен «нищему», вымаливающему «ўсё тое, што... заслужыў жыццём...».

Г. Березкин утверждает, что Я. Купала абстрагируется от фактов своей биографии: «О Купале не скажешь: стихи – фазы жизни». «Поэт как бы освобождал себя от фактов личной биографии ради возможности познать свою сущность в постороннем, другом человеке или же, напротив, поднять этого человека до высот своего нестигаемо стойкого, героического духа» [8, 56]. Однако следует согласиться с О. Лойко, который выдвигает более убедительную точку зрения на эту проблему: «На подступах к «Шляхам жыцця» автобиографическое, интимное при показе природы, а также углубление именно в свои личные переживания проявляется у Купалы очень выразительно. Так, часть стихотворений, написанных... в июле 1911 года, очень выразительно видны как раз в связи с самой «фазой жизни» поэта в Окопах» [42, 67].

В отношении купаловской лирики, его лирического героя, лирического «я» следует говорить о духовной биографии. Поэта интересовали не столько конкретные факты собственной жизни, сколько состояние души, чувства, переполняющие сердце, будоражащие ум. Такой духовный автобиографизм – это и судьба целого поколения, повествование о времени и о себе.

Так, признание лирического героя:

Прыстаў я жыць на белым свеце,
Хоць столькі ўвокала жыцця...

(«Прыстаў я жыць...») –

это и передача душевного состояния самого поэта, при котором он оказывался бессильным что-либо изменить в своей судьбе, жизни края, понимал

бесполезность своих действий, когда и приходила мысль о смерти, об усталости души, утрате всякого интереса к окружающему миру.

Номинация «Душа» в лирике М.Ю. Лермонтова отличается богатством философского, нравственного содержания. Лирический герой, его помыслы, переживания подвергаются тщательному «исследованию» сквозь призму Души, являющейся мерилем человеческих ценностей. В стихотворениях русского поэта самые различные характеристики Души, в которых – определение сиюминутных душевных состояний, его нравственное «лицо», которое нельзя спрятать под маской: «душа пустынная», «душа прекрасная», «душа достойная» (Молитва. «Я, мать божия, ныне с молитвою»), «больная душа» («Валерик»), «душа усталая» («Гляжу на будущность с боязнью») и т.п. Какая богатая палитра, какое многообразие характеров, их оттенков, нюансов!

Непонимание возлюбленной для лирического героя аналогично понятию «душою... чужды», полярное «родство душ» («Валерик») воспринимается им не просто как сходство взглядов, а как общие нравственные ценности, умение понять и прощать, дар найти в близком человеке главное.

Чтобы ярче «высветить» состояние внутреннего разлада, внутренней дисгармонии, М.Ю. Лермонтов говорит о «души... недуге» («Ночь. III»).

«Недуг» – болезнь «Души», постоянная настроенность на волну страданий общества в целом, трагедии личности в нем.

Для Я. Купалы «Душа» – нечто чистое, возвышенное, сокровенное, являющееся отражением мира как одного человека, так и народа в целом. Чаще всего Купала говорит о душе субъективного лирического героя, обращаясь к ней в самые трудные, мучительные минуты, когда тоска, одиночество давят, не дают успокоения, – и тогда поэт говорит о Душе истерзанной, которая болит, как рана: «Душа і ные, і баліць» («Бываюць хвілі...»), «душу змучыў сваю» («Не клянiце мяне»), «Аж заныеш душой» («Нуда»).

В стихотворениях Я. Купалы представлена богатая палитра характеристик Души: «душа маладая» («З вячэрніх дум»), «маркотная душа» («Дзве долі»), «душа смутная» («Гэй, ты, сэрцайка...»), «душа няшчасная», «набалелая» («Каму вас, песні?...»), «душа неспакойная» («Дзе б і праўда жыла...») и др.

Номинация «Душа» помогает создать «портрет» лирического героя, выявить его жизненное кредо. Одним из важных качеств героя Купалы являются равнодушие к различным проявлениям жизни, желание активно вмешиваться в нее:

Неспакойнай душой надарыў мяне бог,
І з такой у магілу напэўна сыйду.

(«Дзе б і праўда жыла...»)

Неизменный спутник лирического героя Купалы – «бязмежна гора», которое «як тое мора, Што ўсе ў сябе ўбірае рэкі» («Таея даўгажданай»). Потому он и мечтает отыскать такую Душу, которая разделила бы с ним все невзгоды:

Я хацеў бы душу адшукаці такую,
І такое хацеў бы я сэрца знайсці,
Што са мной праз жыццёвую сцежку блудную
Захацела б супольна і згодна ісці.

(«Я хацеў бы...»)

Лирический герой Я. Купалы в растерянности, он не видит смысла в служении людям. Тогда и появляются слова-боль, слова-крик, слова-обращения прежде всего к самому себе:

Нашто губляць парывы чыстыя
Таемных дум сваіх, сваёй душы...

(«Нашто?»)

И все-таки живет в душе стремление к лучшему. Пусть еще идеал будущего не обрел четких, ярко выраженных очертаний. Но то, что душа героя – в постоянном движении, то, что она в поиске, – оптимистично: «Душа кудысь рвецца... ўсё рвецца...» («З песень аб вясне»).

Я. Купала говорит и о душе «суммарного» лирического героя. Поэта возмущает бесправие мужика, который продает не только свой труд, талант. Его вынуждают продавать сокровенные мысли, лучшие порывы, светлые мечты, душу:

Для куска хлеба, чорнага хлеба
Бядак прадаецца з душой...

(«Для куска хлеба»)

Постоянная, тяжелая, изнурительная работа на пана превращает мужика в бессловесного, покорного раба. Правда, в монологах крестьянина иногда прорывается желание утвердить свои права, доказать, что нет силы, способной убить в нем внутреннюю свободу:

Душой я вольны чалавек,
І гэтакім буду цэлы век!

(«Песня вольнага чалавека»)

Я. Купала верит, что «дух у народзе Збудзіўся і к праўдзе заве!...» («За праўду»). Эта вера дает ему силы выстоять под ударами судьбы. Для него это – долгожданная весна жизни, потому, призывая свой народ к пробуждению, лирический субъективный герой Купалы воздействует не столько на его разум, сколько на душу: «З пут вызваляйце душу...» («Жальцеся, грайкія струны...»), «За добрую справу, за шчасце і славу Душу вырывавай з цемнаты» («За праўду»).

Итак, для русского и белорусского поэтов номинация «Душа» – наиболее полное, яркое выражение внутреннего потенциала субъективного лирического героя, а для Купалы – еще «суммарного». В душе сфокусирован мир в его многообразии, трагизме, это своеобразный эпицентр боли мира, скорби и в то же время – неистребимой веры в вечное, светлое, доброе.

Мотивы вины и суда у М. Лермонтова позволяют конкретизировать романтическую оппозицию бытие – быт. Романтическая модель лирического героя и мира у русского поэта носит антропоцентрический характер: мир рассматривается как «я» героя. Личность глобальна, потому ее величие позволяет принять на себя вину за этот мир и его же судить с позиции «я».

У Янки Купалы эти мотивы имеют иную природу. У белорусского поэта «я» героя – неотъемлемая составляющая мира, «я» субъективного и суммарного героя рассматривается сквозь призму мира и проецируется на плоскость мира. Вина субъективного лирического героя Купалы определяется его вынужденным дистанцированием от народа и невозможностью в силу одиночества и непонятости народом реально изменить его социальное положение – судьбу «суммарного» героя.

Совершенно полярно восприятие мира, его ценностей лирическим героем Лермонтова и окружающими его людьми. Отсюда – различное понимание вины, прощения. И то, что «от сердца чувство отлетело» («Нередко люди и бранили»), – результат рока, человеческой несправедливости. Лермонтовский герой горд, смел. Это проявляется и в том, что часто он берет вину на себя перед одним человеком / «Я виноват пред тобою...» («Разлука») и перед людьми вообще / «Виновный перед людьми» («Настанет день – и миром осужденный»). Герой Лермонтова считает, что рок тоже не следует обвинять во всех свойственных человеку грехах, недостатках. Нужно искать причину многих зол, бед на земле в самом себе:

Но невиновен рок бывает,
Что чувство в нас неглубоко,
Что наше сердце изменяет
Надеждам прежним так легко...

(«К приятелю»)

Уже в четырнадцатилетнем возрасте М.Ю. Лермонтов определил формулу, по которой люди обвиняют фактически невинного человека, в которой, по его убеждению, – отсутствие высоких моральных принципов, несправедливость, господствующая в обществе. Эта парадоксальная ситуация сконцентрировала в себе мораль безнравственного мира:

Так в наказаниях всегда почти бывает:
Которые смиренней, на тех падет вина!..

(«Заблуждение Купидона»)

В том, что сам лирический герой и его возлюбленная стали другими, он видит вину не свою: бремя жизни, ее противоречия, жестко регламентированный порядок, подчиняющий себе всех и все, убивающий в человеке его добрые начала, – такая жизнь является главным виновником опустошения души героя и его возлюбленной, потери свежести, новизны чувства (К*** «Мы снова встретились с тобой»).

И даже за то, что «...в заблужденье бродит... ум далеко» от бога, что герою «мир земной... тесен», он просит «всесильного» не обвинять его. Не свою вину он видит в «чудном пламени», в «голодном взоре» (Молитва («Не обвиняй меня, всесильный...»)) своим – столь сложным, стремящимся к познанию создал его творец. Его «я» – мятущееся, ищущее, и в этом кроется причина, по которой он воспринимает мир многоликим и не может найти себя в этом мире.

Купаловского субъективного лирического героя мучает вопрос: неужели такая «страшная вина» – то, что он «сэрца, сэрца меу», был равнодушен к чужим бедам? Суд над самим собой – неприменный итог раздумий лирического героя над собственной виной, наличием ее или отсутствием.

Лермонтовский герой – мужественный, и суд он принимает и признает только тот, который совершается на основе нравственных принципов. Кроме того, нужен мир, не отвергающий такой суд («Слава»).

Лирический герой М.Ю. Лермонтова беспощаден к себе, и приговор, который он себе выносит, поражает высокой мерой. Самое страшное для героя – оказаться забытым в «родной стране» («1831-го июня 11 дня»).

Когда лирический герой говорит о приговоре всевышнего, то этому приговору нужно подчиниться, ибо это судьба: «Его ничто не переменит» (К*** («Всевышний произнес свой приговор...»)). Но в словах «ничто не переменит» – не безропотность, а скорее несогласие с таким приговором и вместе с тем осознание необходимости его выполнения. Подтверждением этому служит другое признание лирического героя, свидетельствующее, что он – натура ищущая, стремящаяся познать как можно больше, потому и считает неприемлемым такое положение, «Когда б в покорности незнанья Нас жить создатель осудил...» («Когда б в покорности незнанья...»). Невозможность познать мир, жить в постоянном неведении, смириться с этим – такой приговор противоестествен его душе.

Лермонтовский лирический герой беспощаден как к проявлениям собственного слабодушия, ошибкам, так и к своему времени и ко времени вообще. Он считает себя вправе выносить приговор своему времени, так как оно – его судьба и судьба его поколения. Актуальными были полные гнева строки, в которых обвинение царя – душителя свободы, возмущение

поражающим своей жестокостью преступлением – расправой с декабристами, со всеми вольнолюбивыми, чистыми духом людьми: «Тиран гремел, грозили казни...» («К*** («О, полно извинять разврат...»)). Разве такие строки – не суд над своим временем?! М.Ю. Лермонтов считает виновным свое поколение в том, что окружающий мир – «равнодушный». Потому приговор поколению, времени – приговор и самому себе:

Толпой угрюмою и скоро позабытой,
Над миром мы пройдем без шума и следа...

(«Дума»)

Лермонтовский герой, как герой романтический, пребывает не только в своем времени, но и поднимается над ним, ставит в один временной ряд «Веков протекших великаны» («1831-го января»), настоящее и будущее, которое сложно предугадать. Номинация «Время» в лирике М.Ю. Лермонтова, как и «Душа», проецируется на нравственную сферу. Именно потому приговор времени вообще поражает силой отрицания всего порочного, и в этом отрицании – провозглашение, утверждение разумного, вечного. Такое отрицание-утверждение свойственно лермонтовскому герою («1831-го января»).

Мотив суда (других людей, суда над самим собой) – нередко используемая форма откровения субъективного лирического героя белорусского поэта. Герой воспринимает свою жизнь как «узаконены прыгон», как насилие над личностью, попрание ее прав, достоинства. Лирический герой выстоял в неравной борьбе с «фарысейскай сям'ёй», сберег «душу сваю». Можно убедиться: о чем бы ни писал Купала, самое главное для его героя – сохранение чистоты, незапятнанности совести. Купаловский герой судит за бессмысленную русско-японскую войну, в которой погибли тысячи людей, за обилие сирот, вдов, за то, что «загасілі цвет навукі», за самое страшное преступление – «задушылі дух народны»:

Вы задушылі дух народны,
Да слёз мільёны давялі,
Збылі з жыцця вам непрыгодных,
Зглушылі кліч – «волі, зямлі».

(«Перад вісельняй»)

У белорусского поэта есть такие стихотворения, в которых лирический герой поднимается над Пространством, средой, чувствует себя частичей Мира, потому имеет полное право произносить гневные, обличительные речи. Но если герой Лермонтова обвиняет «жадною толпой» стоящих «у трона» («Смерть Поэта») за убийство Гения России, ее славы – А.С. Пушкина, то Я. Купала – за «убийство» Отчизны, ее народа.

Лермонтовский герой обвинял «Свободы, Гения и Славы» палачей в том, что пред ними «суд и правда – всё молчи!..» («Смерть Поэта»). Они

чувствовали себя вечными хозяевами жизни, их власти ничто не угрожало, не было суда Божьего, который вправе наказывать и миловать.

Купаловский герой будто вторит лермонтовскому:

Вы ў ланцугі ўсё закавалі:
І суд, і праўду, і закон!
Расправу правам вы назвалі,
А ласкай – пахавальны звон.

(«Перад вісельняй»)

Сила купаловского субъективного лирического героя в отсутствии страха перед теми, кто растоптал все святое, кого, казалось бы, ничто не остановит в желании грабить, унижать свой народ. Герой остается твердым и решительным, упоает не столько на поддержку народа, сколько на какую-то лермонтовскую, почти демоническую силу своей личности, ибо за ним стоит то, что по праву ему принадлежит и что отсутствует у богатых, – Правда, Вера.

Лермонтовский герой судит и «суммарного» героя («мы»), свое поколение за бездеятельность, порой равнодушие к происходящему в реальной действительности, за инертность, за «холод тайный».

Мера вины у купаловского субъективного героя и двойника поэта велика, потому и суд над этими героями носит бескомпромиссный характер.

Лермонтов обвиняет власть («палачей») за преследование свободомыслящих, за убийство Пушкина, надеется на справедливый, неподкупный Божий суд. Но в «Предсказании» поэт говорит и о суде истории, который позволит приблизить лучшее будущее для Отечества и народа.

Купала, вынося приговор «прыблудам з-пад Нявы крывавай», «крывапіўцам», «душагубам» («Перад вісельняй»), обвиняя их в развязывании войны, принесшей неисчислимыя беды и жертвы, в социальном, национальном гнете, в удушении свободы, в закреплении в сознании белорусов духовного «рабства», рассчитывает только на суд «суммарного» героя, народа, вырастающего в символическую фигуру «ваякі вялікага За волю, долю і народ» («Перад вісельняй»).

Таким образом, лермонтовский и купаловский герои бескомпромиссно судят время, мир, свое поколение и самих себя за общее неблагополучие, за утвердившиеся и закреплённые в сознании многих людей несправедливые, безнравственные порядки и законы.

Как поэт романтический, М.Ю. Лермонтов воспринимает своего лирического героя как частицу мироздания, Вселенной, Космоса. В связи с этим и он рассматривает судьбу своего героя в двух основных проекциях, сквозь призму двух номинаций: Времени и Пространства.

Номинация «Время» представлена у Лермонтова довольно оригинально, ибо она – в неразрывной связи с душой, внутренним миром героя. Чаще всего «Время» упоминается тогда, когда герой – в раздумьях о своем прошлом, настоящем и будущем. Причем всякая конкретика, указание на точное время событий отсутствуют. Исходя из выдвинутой самим поэтом формулы: «Всё кратко на шару земном» («Слава»), он и оценивает все происходящее, чувства с позиции недолговечности, мимолетности, а отсюда – некоторой эфемерности, иллюзорности. Судьба лирического героя трагична, мучительна, счастье, радость в его жизни носят характер преходящий, стремительный, трудноуловимый. Лермонтов находит точное, образное определение: миг, минута / «Сладкий миг исчез» («К Гению»), «единое мгновенье», «сладкое мгновенье» («Отчего»). Есть и у лермонтовского героя лучшие годы, но они – в прошлом: «Как бедный призрак лучших лет» («Расстались мы; но твой портрет...»), «И прежних лет восторг священный» («А.Г. Хомутовой»). Наверное, именно потому, что все доброе, светлое, вызывающее радость, осталось в прошлом, герой говорит: «А я не люблю вспоминать!» (Романс («Хоть бегут по струнам моим звуки веселья...»)). Слишком контрастно звучит: «лета златые» («К П.....ну») и «В каменный панцирь я ныне закован» («Пленный рыцарь»), и «А тюремные дни будто годы» («Соседка»).

Оттого, что в памяти еще свежи воспоминания о безвозвратно ушедшем, от осознания собственного бессилия вернуть утраченное, трагизм положения героя еще больше усугубляется.

Лермонтову была присуща необыкновенная прозорливость, дар предвидения, основанный на анализе, сопоставлении фактов, событий, а в некоторых случаях он, как романтик, предвосхищал события, благодаря трудноопределимому дару «выхода» во Время вообще. Именно тогда и появляется в лермонтовской лирике романтический образ «грядущего»: «В грядущем счастья так мало!..» («К другу В.Ш.»), «Пронзая будущего мрак» («Слава»). Оказывается, будущее темно, мрачно, пугает своей неизвестностью и неизведанностью «Грядущего темная даль» («Земля и небо»).

Нельзя определить только как мистическое предсказание М.Ю. Лермонтова: «Настанет год, России черный год...», так как он не просто предсказывает приход «черного года», но и поясняет, какой смысл вкладывает в это понятие: «Когда царей корона упадет» («Предсказание»). Грядущее – всегда для него тайна, всегда во мраке, в «темной дали» («Земля и небо»). В данном случае номинация «черный год» не вызывает чувства страха, ужаса перед неотвратимо надвигающейся катастрофой. Наоборот, герой ждет скорейшего прихода этого времени, так как с ним связывает свои надежды на разрешение многих проблем, хотя в самом определении «чер-

ный» уже скрыта некая угроза, предостережение и отдельному человеку, и государству в целом от возможных ошибок.

И все-таки, несмотря на трагическое восприятие своего времени, Времени вообще, есть у М.Ю. Лермонтова строки, отразившие пусть не постоянный, но присущий его лирическому герою оптимизм:

...чувство есть у нас святое,
Надежда, бог грядущих дней...

(«Когда б в покорности незнания...»)

Лирический герой Я. Купалы отмечает неутомимый ход времени: «Час, як крыніца, ідзе, не марудзе...» («Песня мая»), человек бессилён остановить его или ускорить.

Номинация «Время» в стихотворениях Купалы представлена в неразрывной связи с определенными порами года, дня. Часто героя охватывает грусть, когда он понимает, что «вечар... блізка, недалёка – Ёсць раница – павінен й вечар быць...» («Вечар»).

Весна для лирического героя Я. Купалы – не только пора года, это и надежда, пора, с которой он связывает свои мысли о лучшем будущем, это и своеобразный синоним слова «время», несущий определенную смысловую, философскую нагрузку, эмоциональную окраску:

К нам вясна за вясною ідзе
І бяследна адходзе ад нас...

(«Вясна за вясною...»)

У Я. Купалы, как и у М.Ю. Лермонтова, номинация «Время» связана с конкретным временем, внутренним миром героя, они взаимоотражаемы. Благодаря данной номинации оба поэта пытались решить проблему восстребованности личности, надежды на возрождение и лучшую долю Отчизны.

У М.Ю. Лермонтова и Я. Купалы оппозиция «земля – небо» приобретает символический характер. Герои обоих поэтов стремятся поведать о своем одиночестве всему необозримому пространству Вселенной и найти в ней душу, которая была бы сродни им.

В стихотворениях М.Ю. Лермонтова («Звезда», «Ночь», «Небо и звезды», «Земля и небо» и др.) – раздумья о судьбе своего поколения, о настоящем и будущем. В трудную минуту жизни лермонтовский герой устремляется мыслями к небу, которое для него – не холодное, безмолвное, безбрежное пространство, а мир, полный загадок, вселяющий надежду на избавление от угрюмого одиночества на земле, от тоски, грусти. На долю героя выпало мало счастья, зато он знает его цену и не хочет небесного блаженства. Несмотря на все неудачи, на то, что будущее неопределенно, он не желает расставаться с земным миром («Земля и небо»), с небом, вызывающим восхищение. Но вместе с тем герой при определенных условиях

признается: «Я небо не любил...», потому что прекрасно знал, что только на земле можно осуществить задуманное (Отрывок («Три ночи я провел без сна – в тоске...»)).

Небо притягивало к себе лирического героя своей неразгаданностью. Но в стихотворении «К другу» («Взлелеянный на лоне вдохновенья») автор будто возражает своему незримому оппоненту, утверждая, что герой «не пленен небесной красотой», а ищет «земного упоенья».

В неудачах, жизненной неустроенности герой М.Ю. Лермонтова находит «корень мук в себе самом»: человек определяет судьбу, отношение к окружающему миру; не небо, не всемогущий бог, не рок наказывают или милуют. И поэт приходит к верному выводу: «И небо обвинить нельзя ни в чем» («1831-го июня 11 дня»).

М.Ю. Лермонтов создает спокойные (звезды), полярные (демон, бог) образы, что дает ему возможность со всей полнотой отразить борьбу, происходящую в душе лирического героя. Звезда для героя Лермонтова – спасение, слабая надежда обрести душевный покой, не случайно его упоминание о «душе... больной». Звезда, безусловно, слишком мала, чтобы преодолеть мрак, темноту, но она «Несет мечты», «сражаясь с темнотой» («Светись, светись, далекая звезда»). Это упорство, сила слабого поражают и вселяют уверенность, что и он, герой, сумеет преодолеть все преграды и выйти победителем.

У Лермонтова небо и звезды неотделимы друг от друга, как человек неотделим от земли; звезд много, они ясны – на земле же царит иной «порядок»: «Люди друг к другу Зависть питают». Звезды так же ясны, чисты, как «счастье ребенка», не познавшего лжи, коварства света. Их счастье нельзя сравнить с жизнью героя, потому он «Только их (звезд. – С.Т.) место занять бы хотел» («Небо и звезды»).

В лермонтовских стихах о небе и звездах – безысходность, небо связано с именем Бога и оттого приобретает некий магический смысл.

Позже лирический герой А. Фета тоже будет искать приют в небе и звездах, ставших для него и символом бессмертия («Летом мы шли по тропинке единственной...», «Среди звезд»). Фетовский герой, переживая душевный разлад, страдая от коварства на земле, устремляется к небу и звездам в надежде обрести гармонию, блаженство. У Фета, как и у Лермонтова, небо и звезды притягательны тайной, неизведанностью, усиливают универсальную оппозицию «идеал – действительность», одновременно укрепляя романтическую оппозицию «земля – небо».

Я. Купала, как и М.Ю. Лермонтов, мыслит масштабно, уже в стихотворениях сборника «Гусли» оперируя такими понятиями, как «планета», «сын мира». Нельзя не согласиться с утверждением О.А. Лойко: «Именно в отношении ко всей планете, ко всему человечеству начинал раскрывать

себя Купала в «Гусяре», и из этой масштабности охвата Мира возникала романтическая масштабность личности» [41, 26].

Лирический субъективный герой Я. Купалы и «двойник» поэта обращаются ко всем обездоленным, униженным с призывом:

Пойдзем, пойдзем туды, адкуль сонца ўзыходзе,
Адкуль вецер прыветлівы вее.

(«Пойдзем...»)

Они зовут людей выйти на Простор, простор жизни, ощутить себя частичей мира, понять, что «Жыццё лепшае» – результат совместных усилий.

Масштабность взглядов белорусского поэта проявляется и в том, что от «зваленых хат і людзей у прыгоне», от того, о чем песня лирического героя не уставала петь, он видит необъятные просторы Земли, Неба с их величием, красотой и в то же время с непередаваемой болью. Мечты лирического героя Купалы о том, чтобы, собрав всех людей, «Сон палашыць з хат нямых», вывести их на «нязмераны прастор», который представляется ему в тех же, свойственных романтизму реалиях, которыми Я. Купала оперирует довольно свободно:

Неба, сонца, месяц, зоры,
Людзі, пушча, ўся зямля,
Ўсё да сэрца штось гавора,
Ўсюды бачу моц жыцця...

(«Грайце, песні»)

В представлении Купалы охватить «нязмераны прастор» подвластно только песне, так как здесь не важны границы Простора, которые ему фактически и не присущи. Гораздо важнее полет слова, мысли и отклик, идущий от сердец тех, кому предназначена искренняя, зовущая к солнцу песня.

Ставить и решать проблемы равенства, свободы помогают купаловскому герою природные силы, явления. Именно они создают тот масштабный характер событий, позволяющий говорить не только о жизни одного села, но и жизни народа, края, отчизны. Потому понятно появление на небосклоне «хмар калматых горы», «чарнаты» («Калі пачнуць...»), которую они с собой несут. Верным помощником, способным справиться со злыми силами, выступают «буйны ветры»: они разгоняют тучи, «І ясным днём змяняюць ноч». Подчеркивая масштабность замысла, Я. Купала использует и другие выразительные образы: «дудароў магутны хор», «новыя зоры», задача которых – разнести боль и гнев народный по всей земле, заставить услышать его панов и почувствовать страх перед надвигающейся силой.

Мысли лирического героя Я. Купалы о народе, его судьбе, песни, для которых нет ни преград, ни «няволі... путаў», приобретают масштабный характер («Наша песня»).

Мысль лирического героя Я. Купалы не знает границ: то она устремляется в небо, «дзе сонца, дзе зоры», то «пакоціцца ў мора, Ў вялікае мора людскога жыцця» («Мая думка»). На страдающей земле не может обрести душевного равновесия мятущаяся душа героя. Его манят небо, космос своими просторами, свободой и в то же время отталкивают своей безжизненностью, холодностью. Земля дарит радость быть вместе с народом, но люди на земле лишены гармонии, царящей в небе:

На небе свабода, святло і прыволле, –
А думцы замала: няма там людзей;
Людзей на зямельцы спаткае даволі,
Дык сонца і воля не свецяць тут ей...

(«Мая думка»)

Космос, Простор дают герою возможность говорить о наболевшем во весь голос, быть услышанным и солнцем, и звездами, пробудить и землю ото сна. Мечта героя – перевоплощение в «сокала», в «даль». Наверное, в данном случае это своеобразное продолжение мысли поэта – «сын міру» – и, кроме того, несколько оригинальная ее трансформация. «Даля свабоды і славы» («Шчаслівасць») – тот же космизм, та же беспредельность, но идет она от реальности, связана с земными заботами и тревогами.

В небе – безбрежном пространстве – видит Я. Купала тот животельный источник, который очистит душу: небо – зеркало, отражающее добро и зло, высвечивающее то, что скрыто от глаз людских.

Есть необыкновенное сходство в эмоциональном мировосприятии двух поэтов: М.Ю. Лермонтова и Я. Купалы – способность не просто созерцать, а понимать чужую боль, быть участником событий, сопереживать. Лирический герой Купалы живет мыслями обо всей Беларуси. Лермонтовский герой выходит один «на дорогу», купаловский герой, чтобы разобраться в себе, «...на ўзгорку пад крыжам паклонным...» («З вячэрніх дум») думает о своей судьбе и о судьбах Мира. Ощущение себя частицей Мира, сопричастность Миру и есть то, что помогает герою, отрешившись на мгновение от мелкого, задуматься над общечеловеческим. Это общение с Космосом дает герою прилив сил, он обретает душевное равновесие, столь ему необходимое.

Лирический герой Я. Купалы оперирует понятиями космического характера: «перуны залатыя», «Млечны шлях», «Сонца агністае» («Песняй толькі...»). Все они верные помощники героя в его стремлении поднять дух народа, сделать его свободным, счастливым. Эта мечта делает героя всесильным, и он с полным правом говорит о себе:

Са святламі бязмежна ўсясвету,
 Як святло сам, лунае мой дух;
 Аглядаю міры, як у сне тым,
 І жыццё абымаю ўвакруг.

(«Песняй толькі...»)

Такой охват событий, чувств, переживаний поднимает героя над обыденным, вводит его в круг понятий вневременных, надпространственных, космических, «включается» в мифологический контекст...

В каждой звезде купаловский субъективный герой, как и его современники, – крестьяне-белорусы, «суммарный» герой еще средневековому видит звезду Судьбы – то ли своей, то ли другого человека или отчего края, – то есть знамение, знак, сопричастность звезды ко всему земному. Из этих средневековых представлений и возникает купаловская поэтизация звезды («Зоркі»).

Лирический герой М.Ю. Лермонтова, обращаясь к небу и звездам в трудные минуты, отдает себе отчет, что в его жизни небо бессильно что-либо изменить, нужно надеяться только на самого себя. И встав перед дилеммой, что дороже: земля или небо, герой выбирает землю со всеми ее противоречиями. Кроме того, небо в поэзии М.Ю. Лермонтова предстает и как нечто карающее или милующее.

Купаловский герой, как и лермонтовский, также твердо верит: только сам человек изменит свою жизнь. В этом ему не помогут никакие силы природы, бесполезно уповать на небо, звезды. Они далеки от земли, и если герой иногда обращается к ним, то только потому, что жизнь его на земле невыносима.

Оба поэта, русский и белорусский, обращаясь к оппозиции «земля – небо», не могли не затронуть темы Бога. Именно к небу лирические герои М.Ю. Лермонтова и Я. Купалы то и дело обращались за советом, причем для Лермонтова обращение это совмещалось с привитой ему тогдашним укладом и общими представлениями общества верой, традицией, в то время как в XX веке для Купалы его обращение к воплощению высшей силы было поэтическим приемом, лишь формой выражения, традицией, в которых – заостренное романтизированное новое содержание.

Лермонтовский герой еще верит, что бог может справедливо наказать тех, кто убивает все талантливое, посмевшее выступить против них («Смерть Поэта»), считает, что он «жизнь постиг», и, хотя судьба чаще всего приносила ему боль и огорчения, иронически замечает:

Судьбе, как турок иль татарин,
 За всё я ровно благодарен;
 У бога счастья не прошу
 И молча зло переносу.

(«Валерик»)

Своим заявлением: «У бога счастья не прошу» лермонтовский герой как бы отделяет себя от тех, кто уповает на бога, верит в его всемогущество. Кроме того, у героя Лермонтова отсутствует слепое поклонение богу. Даже когда он называет его «Всесильный бог» (Смерть («Оборвана цепь жизни молодой»)), в этом обращении не чувствуется душевного трепета, который испытывает слабый человек перед всемогущим. И в стихотворении «Гляжу на будущность с боязнью...» герой хочет знать, что ему «бог готовил», почему «горько прекословил Надеждам юности», считая, что вправе спросить это у бога. Так, лирический герой Лермонтова опровергает утвердившееся мнение о силе бога, и потому закономерным в его поэзии было появление стихотворения «Благодарность». Саркастическое обращение к богу с благодарностью за все, ниспосланное им свыше:

...За горечь слез, отраву поцелуя,
За месть врагов и клевету друзей;
За жар души, растроченный в пустыне,
За все, чем я обманут в жизни был..,

говорит о гражданской смелости лермонтовского героя, которого не страшит даже божья кара, а не только гнев земных «правителей». В этой «благодарности» – и боль, и обманутые надежды, но в ней звучит и гнев. Герой не безропотно подчиняется богу, а бросает ему вызов. Вина бога в том, что все благие устремления героя оказались «обманутыми».

Для купаловского субъективного героя бог – понятие, вместившее в себя то, что поможет белорусского народу обрести волю, счастье, найти единственно верный путь в жизни:

К яснаму сонцу з цьмы, з беспрасвецца,
К славе з бясслаўя ўсім нашым людзям –
Гэткай шукаю сцежкі на свеце,
Гэткаму богу і душу аддам.

(«З кутка жаданняў»)

В стихотворениях Я. Купалы к богу обращаются разные люди: «сялянін з сваёй убогаю раднёй» и те, «што ўціхамоўку куюць путы для нашай беднай стараны», надеясь на его помощь и поддержку. Главное желание лирического героя:

Хай Беларусь, мая старонка,
Ўваскрэсне к вольнаму жыццю!

(«Хрыстос васкрос!..»)

Каково предназначение человека, почему оказываются неосуществленными его мечты и надежды – эти вопросы не дают покоя лирическому герою Я. Купалы. Обращение к богу: «Божа! як жудка на свеце!» («Холад-

на...») – своеобразный всплеск эмоций, чувств, обращение, не требующее ответной реакции, помощи.

Купаловский «суммарный» герой – мужик еще с надеждой смотрит на бога, уповая на его заступничество. Особенно ярко это проявилось в стихотворении «Цару неба й зямлі». Отмечая способность бога управлять силами природы, герой Я. Купалы спрашивает всевышнего:

За што над намі даў перамаганне
Табою створанай бядзе і цьме,
Спадзіўшы быт сірочага канання
Сынам і іхняй матцы-старане?

и пытается разобраться, почему бог глух, равнодушен к бедам народным, почему он не слышит «Мальбы няшчасных: долі, праўды, хлеба!» («Цару неба й зямлі»).

Купаловский герой, взывая о божьей помощи, называет бога «божа праведны, магучы», «свету уладар», «ўсясьільны цар цароў», осознавая свое право спросить отчет у бога, в чем он близок лермонтовскому герою. Называя себя «верным слугой» («Цару неба й зямлі») бога, герой хочет, чтобы бог оправдал его надежды, коренным образом изменил его жизнь к лучшему, решил социальные проблемы. Это голос «двойника» поэта, объективного верующего героя. Между тем в стихотворении звучит и голос субъективного героя, лирического «я» – «я» человека нового, атеиста, но в своем выражении чувств причастного к библейской образности, понимающего ее выразительную силу, «святость», порожденную столетиями, и не чуждающегося поэтому такой выигрышной формы. Именно Купалеромантику, как и Лермонтову, библейское продолжает импонировать. Оно для него – не архаика, а живая форма, старая форма, наполняемая новым содержанием. Так было у Джона Мильтона в «Потерянном Рае», где особенно ярко проявились два ряда представлений поэта: «Бог – воплощение высшего блага, Сатана и его соратники – исчадия ада. Но тот же бог для Мильтона – небесный царь, и в качестве такового он ассоциируется с земными королями, ненавистными поэту, и тогда поэт не может не сочувствовать тем, кто восстает против единодержавной власти» [2, 11,12].

Сравните у Я. Купалы:

Дух мой свабодна з вашых цянётаў
Выйсці здалее к яснасці божай...

(«Блізкім и далёкім...»)

Что подразумевает поэт под выражением «яснасць божая», является ли это свидетельством его веры в бога? На наш взгляд, это выражение не следует отождествлять с более узким понятием «мир божий», не нужно говорить и об абстрактном характере фразы. Это настолько объемное, масштабное понятие, что скорее оно должно было встретиться у Байрона,

Лермонтова, которые свободно к нему апеллировали. То, что эта номинация употреблена поэтом, которого прежде всего интересовала судьба белорусского мужика, может показаться невероятным. «Яснасьць божая» вмещает в себя Вселенную в целом. Белорусского поэта интересуют не столько космические реалии, хотя он говорит и о них (солнце, звезды), сколько понятия социального и нравственного порядка: социальная несправедливость, купля-продажа «адвечнай праўды» («Блізкім і далёкім...»), радость и счастье, омраченные слезами, и т.д. С одной стороны, трудно назвать этот Простор «яснасцю», так в нем все беспросветно и мрачно, с другой – есть в этой «яснасці» спасительное солнце, несущее надежду, доказывающее, что не все в жизни так безысходно, как может показаться на первый взгляд.

У М.Ю. Лермонтова и Я. Купалы тема Бога не является определяющей, ведущей. Оба поэта не верили во всемогущество бога. И даже Лермонтов, будучи верующим, восстал против бога («Благодарность»). «Богоборчество, – как писал В.И. Коровин, – ...далеко от научной антирелигиозности. Главное его содержание составляют отчаяние и беспощадная ирония, но сама идея бога, в сущности, нисколько не отрицается. Сомнению подвергается не бытие бога как устроителя вселенной, а вера в его просветленный разум» [32, 26].

«Продолжением», логически связывающим в неразрывное, единое целое оппозицию «земля – небо» и тему Бога, является мотив «молитва». В лермонтовской «Молитве («Я мать божиа, ныне с молитвою...») герой – гордый, непокорный, он – «странник», чужой в мире, в «свете безродный». Смысл мольбы – оградить чистую, возвышенную душу возлюбленной от коварства, лжи, сделать ее жизнь беспечальной.

Для лермонтовского героя молитва – свидетельство его силы, непокорности; он не боится признаться «всесильному», что для него «мир земной... тесен», что «звучком грешных песен» (Молитва («Не обвиняй меня, всесильный...»)) он молится не о нем, боге.

Молитву, по мнению купаловского субъективного лирического героя, должны отличать правдивость, искренность, неподкупность, в ней должны отразиться «ўсе справы, Якія стварае крываваы Наш быт у жыццёвым пакосе» («З сіроцкай долі»). Молитва подобна доброму духу, небесному покровителю, она несет с собой мир, покой, вселяя в сердца людей уверенность, делает их чистыми и возвышенными:

О, будзь вечна слаўнай, вячэрняя ціша
З планетнай зарніцай і месяцам бледным!
Хай песня спакою душу укалыша
І вынесе чыстай над шумама пабедным!

(«Вячэрняя малітва»)

В понимании лирического героя белорусского поэта молитва – не столько обращение к богу, сколько «разговор», обращение к Простору, его реалиям: солнцу, звездам, ветру, желание призвать их в свидетели собственных переживаний. Для героя «магутны бог – ўсясвет»:

Малюся я небу, зямлі і прастору,
Магутнаму богу – ўсясвету малюся,
Ва ўсякай прыгодзе, ва ўсякую пору
За родны загон Беларусі.

(«Мая малітва»)

И все-таки в самые трудные минуты жизни мольба героя – к «зямлі... прадзедаў», к тому, что вечно: «Не гані ты мяне ад свайго парога» («Для зямлі прадзедаў маіх...»).

Истинный романтизм, романтизм Байрона, Лермонтова, Мицкевича, проявляется в удивительной номинации Я. Купалы – «малітве свету», вмещающей и боль, и горечь, и мольбу, когда мир воспринимается не просто как сообщество людей, но и как мировой дух, душа, нечто абстрактное, субъективное. Оно настолько сильно, монолитно, что купаловский герой заявляет: «Мой крык перад малітвай свету – ноль!» («Маё цярпенне»).

У М.Ю. Лермонтова мотив «я верю» глубоко личный, вместе с тем в нем как нельзя лучше отразились непримиримые противоречия между устремлениями честной личности и лицемерного мира. Лирический герой русского поэта обещает верить в то, что «мир для счастья сотворен», но все его обещания «разбиваются» об «опыт хладный» (Исповедь («Я верю, обещаю верить»)) – свидетеля господствующего в мире коварства.

Купаловский же герой непоколебимо верит в преданность своего народа высоким идеалам добра и справедливости, которые он отстаивает. Именно вера в народ – основа убежденности героя в победе светлого начала:

О! веру, веру, што загнаны

Мяне не здрадзіць мой народ...

(«Каму вас, песні?...»)

Лирический герой Купалы, выступающий в облике «тутэйшага», уже одним определением подтверждает неразрывную связь, единство, общий характер мыслей и чаяний с народом, верит в «святую... моц» («Тутэйшы»), силу разума, силу действия, силу души.

Вера героя Купалы питается незыблемыми, вечными реалиями мира, ставшими для него своего рода идеалами искренности, силы:

Ў народ і край свой толькі веру
І веру ў самага сябе.

(«Мая вера»)

Оппозиция «земля – небо» вызывает к жизни демоническое начало в лирике Я. Купалы, которое привлекало М.Ю. Лермонтова с самого начала литературной деятельности, углубляя как романтическое, так и философское, нравственное начала. Поэт, пытавшийся отыскать причину бедствий человечества, причину беспорядков в современном ему обществе, исходил из решения вопроса: что должно взять верх, какое начало – доброе или злое – одержит победу? И правы те исследователи, которые видят «корни демонизма Лермонтова» в «своеобразном выражении гневного протеста против существующего правопорядка, строя жизни» [23, 169].

Наряду с номинациями светлыми, добрыми, несущими созидательное, оптимистическое начало (бог, молитва, вера) было логичным появление противостоящих им сил с разрушительным потенциалом, губительным для человека и мира в целом (демон, демоническое, темные силы).

Уже в раннем стихотворении «Портреты» М.Ю. Лермонтов сделал эскизный набросок демонического героя, оторванного от глупого света, погруженного в свои мечты, не любящего «славы дыма», «свободы друга», одинокого и не стремящегося к общению с людьми, живущими по законам «коварности, зависти и любви».

Как известно, образ Демона у М.Ю. Лермонтова получил дальнейшее развитие в стихотворении «Мой Демон». Лермонтовский Демон соткан из противоречий, близок к природе: «любит бури роковые, И пену рек, и шум дубров», его дух витает над всем происходящим, но не исходят от него ни тепло, ни сочувствие чужому горю; во всем проявляется надменность, презрение к людям и их поступкам. Демон может только обнадеежить, но не даст счастья никогда.

Е.А. Маймин в книге «О русском романтизме» справедливо пишет: «...лермонтовский Демон с самого начала масштабен, он наделен независимым от человека существованием... Демон у Лермонтова – злой дух не одного человека, а всего человечества» [44, 136]. Именно таким стало вершинное воплощение Демона в поэме «Демон».

В лирике Купалы проявляется демонологическое начало. «Темные силы» природы, взятые из мифологии, Я. Купала наделяет человеческими пороками, заставляет совершать свойственные людям действия и поступки: «Змей панёс чараўніком Грошы ад скупага» («Люлі, люлі, мужычок»), «Выпраўляюць русалкі бяседу» («Ноч за ночкай...»), «Будзе русалка плаваць, круціцца; К ёй вадзянік там збліжыцца сватацца» («Русалка»).

Чаще других мифологических образов в стихах белорусского поэта появляются образы «ваўкалака» и «хохліка». «Ваўкалак» – олицетворение злобствующей силы, которую никому еще не удавалось победить, не понимает «ні крыўды, ні жалю», «Падданах з'ярміў ён мільён» («Ваўкалак»). «Хохлік» тоже отрицательный герой, от прикосновения которого погибает

все, что несет с собой жизнь («Кветка чахне на папары», «Лісьць трасецца на асіне»), и в то же время хохлик открывает дорогу всему бесполезному и бесплодному («Карануе у сусветы Сухалесы, пуштацветы») («Хохлік»)).

Злые силы природы: ведьмы, змеи, «ваўкалакі», «хохлік» и т.д. – хотят добиться такого положения в окружающем мире, когда «Ноч смяецца, сонца плача» («Хохлік»), когда миром будет править зло, утвердится господство «темного», враждебного человеку.

Свои переживания, мысли лермонтовский лирический герой облекает в форму сна, причем сон несет на себе отпечаток определенного настроения. Когда М.Ю. Лермонтов утверждает: «наша жизнь минута сновиденья» («К П. . . . . ну»), может показаться, что он – сторонник романтической формулы ирреализма, провозглашенного еще Кальдероном в драме «Жизнь – это сон», утверждавшей быстротечность, мимолетность жизни, восприятие ее как чего-то нереального. Однако поэт опровергает эту формулу:

И сном никак не может быть
Все, в чем хоть искра есть страданья!

(«11 июля»)

И жизнь поболее, чем сон!...

(Исповедь («Я верю, обещаю верить...»))

Сны, считает лирический герой, могут быть беспокойными, тревожными, но они преходящи. Жизнь – нечто большее, она сложна, противоречива, требует от человека борьбы, чем и дорога ему. И если человек испытал муки, страдания, оставившие в его душе след, – это жизнь, реальность.

Купаловский герой только во сне может хоть на какое-то мгновение забыться, почувствовать себя по-настоящему счастливым: ему видится «спакойная вёска», «жыццё другое» («Зімовая ноч»).

В стихотворении «Сон. Не помню дня і той мінуты» белорусский поэт не случайно предваряет пересказ словами:

Я сніў. А ўсё як бы на яве
Кругом мяне жыло жыццём...

И у Я. Купалы, как и у М.Ю. Лермонтова, стирается грань между сном и реальностью. Сон у купаловского героя бессюжетный, «действующие лица» – абстрактные, вечные, непреходящие понятия – «Збуджэнне», «Няпамяць», «Вякі», «Здрада» (Сон («Не помню дня і той мінуты...»)) и др. Герой не может не думать о борьбе доброго и злого начал, и сон – продолжение этих раздумий, потому он и воспринимается как явь. Сон прошел, но те чувства, которые он пробудил, мысли, которые навеял, остались в реальной жизни героя.

Лермонтовский герой и во сне не может обрести душевного покоя, купаловский же субъективный лирический герой находит ответы на мно-

гие мучающие его вопросы, хотя и у него есть безответные сны, в которых он бессилён, как и наяву («Думы маркотныя...»).

Лирический герой Я. Купалы – «двойник» поэта – не может равнодушно принимать «сон» своего народа, его отрешение, уход от активной жизни, от борьбы («Грайце, песні»). Говорит купаловский герой и о другом сне – могильном – порождении смерти. Этот сон страшен полным «отрывом» от земных забот и тревог, его невозможно прервать по воле человека, ибо на нем печать смерти:

Усё ў халоднай спіць магіле
Сном вечным, непрабудным сном.

(«На могілках»)

У М.Ю. Лермонтова сон – раздумье о судьбе поэта-романтика, в нем все окутано тайной. У белорусского поэта – это тоже раздумье, поиски героем смысла жизни. В то же время мотив сна близок трактовке этого мотива Т. Шевченко: герой Купалы занят не только своими мыслями, переживаниями, его думы – о народе. У Т. Шевченко сон – это ирония, публицистика, форма, позволяющая поэту в гневных, полных сарказма, обличительных тонах дать картину российской царской действительности. Эта форма (сон) позволила Шевченко с болью и гневом осудить царское правительство, выступить против его антинародной, антигуманной политики.

В снах героя Я. Купалы, как и наяву, – горе и унижение народа, с чем герой никак не может примириться и потому страдает.

Русский и белорусский поэты, поставив во главу угла бытийные проблемы в своей романтической лирике, обратились к двум оппозициям («земля – небо») и реалиям космического, планетарного масштаба (звезды, ветер, солнце и др.). «Исследование» поэтами этих реалий – не некие метафизические устремления, а попытка определить положение, роль человека в Мире, Космосе, а для купаловского лирического субъективного героя это еще и возможность донести народу правду через Время, Пространство.

В решении глобальной проблемы Мира, бытия вообще Лермонтов и Купала «выстроили» в своих лирических произведениях логическую философскую цепочку из номинаций «небо – звон, молитва – бог, демон – сон, земля», способствующую ее глубокому раскрытию. В демонизме, пронизывающем все творчество М.Ю. Лермонтова, сфокусированы нравственно-философские начала, размышления поэта о противоречивости мира и человека, о добре и зле. Лермонтовский демонизм – отрицающий, бунтующий, он – буря гнева и негодования.

Лирике белорусского поэта присуще демонологическое начало. Противостоящие друг другу силы добра и зла позаимствованы Купалой из мифологии. Однако художник объясняет противоречивость характера лирического героя (субъективного и «суммарного»), Мира вообще, исходя из лер-

монтовского постулата, содержащего в себе демоническое начало: «Лишь в человеке встретиться могло Священное с порочным...». Кроме того, Купала придает демоническому характеру социальный смысл, воплотив в образе Черного («Сон на кургане») не только нравственное, но и социальное зло. Не все еще в лирике Лермонтова и Купалы поддается расшифровке. Одно несомненно: столкновение, противостояние земли и неба – закономерное продолжение философской концепции о добре и зле. Отсюда – трагедия личности на земле, где царят несправедливость, непонимание, несогласие, ее бесполезное упование, надежда на небо, разочарование в собственных ожиданиях и если не растерянность перед жизнью, то ощущение ненужности, бесполезности своей жизни и одновременно порывы к лучшему. Бог и божественное вообще в представлениях лирических героев М.Ю. Лермонтова и Я. Купалы вырастают в вечное, святое в высоком понимании этого слова – то, что помогает выстоять под ударами судьбы и сохранить чистоту помыслов и действий.

2.2. Мечта и действительность

В лирике М.Ю. Лермонтова и Янки Купалы оппозиция «бытие – быт» является основополагающей для оппозиции «мечта (идеал) – действительность», ставшей традиционной и универсальной для романтического искусства в целом. «Объективная действительность осознается и изображается романтиками как чуждая субъекту, лишенная гуманистического начала. Идеал же приобретает характер противостоящей жизни неосуществимой мечты» [15, 404], – справедливо отмечал В.В. Ванслов.

Идеал, по Лермонтову, – «образ совершенства», разрыв идеала и окружающего мира у поэта определяется «тоской по жизни» [5, 503].

В лермонтовских стихах разрыв идеала и жизни не выглядит противоестественным, а является отражением душевного состояния лирического героя, когда «И душно кажется на родине, И сердцу тяжело, и душа тоскует...» («Монолог»). Лермонтовский герой считает, что действительность пропитана ложью, опошлены высокие чувства, все становится предметом купли-продажи. Герой мечтает о том времени, когда богатство утратит свою ценность, когда люди не будут руководствоваться в своих поступках материальной выгодой, корыстью, а на борьбу со злом их поведет сердечный порыв, хотя сам не верит в ближайшее осуществление своей мечты:

Навряд ли кто-нибудь из нас страну узрит,
Где дружба дружбы не обманет,
Любовь любви не изменит.

Свои надежды на осуществление мечты лермонтовский герой возлагает и на любовь, дружбу, которые, по его мнению, способны изменить мир. Любовь, в его понимании, – чувство, вмещающее в себе любовь к матери, женщине, народу, Отчизне. Истинная дружба, о которой мечтает герой, – опора, помогающая выдержать любые испытания, выпавшие на его долю, уберегающая от одиночества. Эти два чувства (любовь, дружба) «выпрямляют» человека, делают его духовно богаче, нравственно чище и в то же время «преображают» и «спасают» действительность от пороков и несовершенства.

Ничто не может примирить лермонтовского героя с миром коварства, наживы, разврата. В этом разладе слились воедино и одиночество, и безответная, не приносящая радости, а только причиняющая боль любовь к женщине, и разочарование в друзьях, в людях, а отсюда – в жизни в целом, и собственное бессилие изменить что-либо в своей судьбе и в судьбе народа, который ему не безразличен. Герой осознает, что ему ничто не поможет, и это становится его трагедией.

У Янки Купалы оппозиция «мечта – действительность» в принципиальном плане решается, как и у М.Ю. Лермонтова: реальность – противоречивый, противостоящий герою мир богатых, который купаловский герой не только презирает, подобно лермонтовскому, но и ненавидит. Герой Лермонтова является представителем светского мира, не просто осуждает свет, а пытается разобраться в причине человеческой душевной черствости.

У Купалы номинация «действительность» связана и с номинацией «родной край». Купаловский «суммарный» герой отвергает принципы, которыми руководствуются богатые, определяющие современную ему действительность, он – представитель бедных – презираем ими, видящими в нем раба. Купаловский герой – и защитник бедных, если речь идет о герое субъективном, индивидуализированном, и о «двойнике» поэта. Лермонтовского лирического героя высший свет пытается сломать духовно, купаловский же (субъективный и «суммарный») чувствует на своей стороне силу, он не одинок, как лермонтовский герой, и потому представляет опасность для богатых.

Мечта для лирического героя Я. Купалы («суммарного» и субъективного) – счастье и свобода родины, белорусского края, утверждение национального самосознания.

Лермонтовский герой в поисках ответов на вопросы: «В чем причина бедствий человека, отчего он страдает и можно ли ему помочь?» – приходит к философскому выводу:

Лишь в человеке встретиться могло
Священное с порочным. Все его
Мученья происходят оттого.

(«1831-го июня 11 дня»)

Найдя способ «лечения» этой болезни – душевного страдания людей, нельзя ждать и надеяться на помощь со стороны, надо самому бороться за себя и за других – в этом и состоит смысл жизни:

Так жизнь скучна, когда боренья нет.
 ...Мне нужно действовать, я каждый день
 Бессмертным сделать бы желал, как тень
 Великого героя, и понять
 Я не могу, что значит отдыхать.

(«1831-го июня 11 дня»)

Справедливо замечание Г.П. Макогоненко относительно идей, ставших своеобразной жизненной программой поэта, его точкой зрения на номинацию «смысл жизни»: «Это не декларация, не мечта, а исповедальное признание в необходимости действовать. Бездействие примиряет с существующим злом, оно обуславливает одиночество и стремление жить в замкнутом мире собственного «я». И самое страшное – порождает равнодушные к миру и людям. Только действие и борьба формируют личность, проявляют все лучшие нравственные качества человека. В борении личность находит себя» [45, 378]. Правда, Г.П. Макогоненко не считает мысли, выраженные в стихотворении «1831-го июня 11 дня», «программой действия», мотивируя тем, что стихотворение интимное. Действительно, в нем нет указания на конечную цель борьбы и действия, и тем не менее стихотворение носит не сугубо личный характер, в нем – попытка определить не только свое место в жизни, но и место целого поколения, перед которым поэт ставит общую задачу – «действовать» активно, чтобы мечта стала реальностью. «Через семь лет Лермонтов вернулся к этой теме и, уже вооруженный опытом жизни, скажет определенно и бескомпромиссно о том, что бездействие исторически погубило современное поколение («Дума, 1838»)» [45, 379].

Кроме того, герой М.Ю. Лермонтова принимает жизнь в любом ее проявлении, так как «жажда бытия» довлеет над всеми остальными чувствами:

... жажда бытия
 Во мне сильней страданий роковых,
 Хотя я презираю жизнь других.

(«1831-го июня 11 дня»)

Избавление не только от невзгод, но и от тоски – в труде, считает купаловский герой:

...Адно шчасце людзей,
 Толькі змога тады, –
 Калі працай сваей

Зваляць камень нуды...

(«Нуда»)

Лирические герои Лермонтова и Купалы неутомимы в борьбе с трудностями, находятся в вечном движении, не останавливаясь на достигнутом.

Каждый художник в своем творчестве отвечает на вопросы: каково предназначение поэта, его эстетическое кредо, как соотносятся и взаимодействуют творчество и общественная мысль? Естественной и органичной была потому тема «поэт и поэзия» в лирике Лермонтова и Купалы.

Оппозиция «мечта – действительность» вызвала к жизни новую ипостась лирического героя обоих поэтов. Это пророк, чей функциональный потенциал незримо больше, чем у обычного лирического героя, ибо он владеет мощным оружием – словом, даром убеждения, способностью прозреть Время, Пространство. Эта ипостась в теме «Поэт и поэзия» позволяет Лермонтову и Купале реализоваться как художникам в русле мировой литературной традиции.

Лермонтов, как и многие его предшественники, увлекавшийся творчеством знаменитого английского поэта, в 18-летнем возрасте заявил: «Нет, я не Байрон, я другой...», поняв, что судьбой ему уготована иная роль, что он «еще неведомый избранник», «гонимый миром странник, Но только с русской душой» («Нет, я не Байрон, я другой»). Он подчеркивает свою неразрывную связь с русской землей, ее народом, прекрасно понимая, что за правду его не ждут уважение, почет, слава «ветхого мира» («Поэт»).

Каким, по мнению М.Ю. Лермонтова, должен быть поэт? Для него таким идеалом был А.С. Пушкин, ответом на гибель которого стало стихотворение «Смерть Поэта». Для Лермонтова поэт – это борец, гордый человек, способный восстать «против мнений света Один...» («Смерть Поэта»), вопреки традиционному «Один в поле – не воин».

Лирический герой-поэт в юношеском представлении Лермонтова является в нескольких ипостасях: «неведомый избранник», «гонимый миром странник» («Нет, я не Байрон, я другой»). Фактически молодой художник точно определил сущность и роль поэта: нелегкая судьба таланта, избранничества, отмеченного богом, небом, и одиночество, непонятость, неприятие «толпой». Его поэт скромный, осторожен в обещаниях («Мой ум немного совершит...»). Парадоксально и заявление о грузе «Надежд разбитых... в душе» еще юного поэта. Он оказался перед сложным выбором пути и отдает себе отчет в том, что его миссия высока, трудна и часто неблагоприятна.

Заключительная строка стихотворения «Нет, я не Байрон, я другой», выверенная ритмически и интонационно, заключает в себе идею произведения. Поэт велик, как бог, ибо несет истину народу. Это чисто романтическое уподобление лирического героя-поэта богу, а народа – толпе («Я –

или бог – или никто!»). Герой стремится открыть душу, поведать свои думы, по существу, народу, богом он видит именно себя. Слова «Кто Толпе мои расскажет думы?», несомненно, – апофеоз толпе, высшему слушателю поэта, который и возносит его как бога.

Я. Купала в стихотворении «Я не паэта» заявил: «Я не паэта, о крый мяне, божа!». Прав Г. Березкин, когда столь категорическое заявление поэта трактовал следующим образом: «Сущность такого признания нельзя правильно понять, не приняв во внимание, что уже в самом слове «поэт», чужом и непонятном крестьянину, крылась исключительность. И еще – страшная оторванность от практической жизни» [8, 75]. Так Купала утверждал неразрывную связь с народом и, в отличие от М.Ю. Лермонтова, отрицал некую исключительность поэта, его избранность. Он не только не видел в себе бога – поэтом себя не мог, не хотел назвать, так как это слово из высокой лексики, не простой, не мужицкой. Мужики Я. Купалы – не толпа. Поэт – в своем народе, среди толпы-громады, он ощущает себя и народ как неразрывное, единое целое. Но образ «грамады» («А хто там ідзе?») – это же толпа, только не в лермонтовском понимании, а как общность, единство – нечто мощное, эпическое. «Толпа» в русском языке понимается как неорганизованная, стихийная, неуправляемая общность людей. У Лермонтова «толпа» («Нет, я не Байрон, я другой...») еще не несет в себе конкретики, требует уточнения. Однако понятно, что толпа не враждебна поэту-избраннику, ей недоступно то, чем наделен поэт, ее роль внимать, ибо «думы» поэта высоки, важны и полезны. Толпа-громада у Я. Купалы не та толпа, о которой пишет Лермонтов. Купаловский лирический герой-поэт хочет добиться признания у народа, потому что именно его считает истинным ценителем подлинной настоящей поэзии. Поэт Я. Купалы – борец, но только в отличие от лермонтовского за собой чувствует большую поддержку: за ним – народ, «грамада», «брат». В строках стихотворения «Вы кажаце...» нет безысходности, звучащей у М.Ю. Лермонтова, когда тот говорил о Пушкине, восставшем против «мнений света» («Смерть Поэта»).

Превыше всего Купала ставит честность, которую понимает как стремление поэта, не боясь наказания, говорить правду о суровой доле мужика, доносить эту правду народу:

Не магу маску ўздзець,
Крывіць роднай душой,
Песні весела пець,
Калі смуцен брат мой.

(«Не клянiце мяне»)

Каково отношение поэта-избранника к народу? Народ для лермонтовского поэта («Поэт») является чем-то далеким, непонятным, но не чуж-

дым. М.Ю. Лермонтов осознавал, что поэт должен стоять выше народа, вести его за собой. Поэзия, по мнению Лермонтова, звучит «Во дни торжеств и бед народных», подобна колоколу, символу свободы. Почему поэт ставит глагол «звучать» в прошедшем времени? Он имел в виду поэзию декабристов и Пушкина, которые «простым и гордым» стихом воспламеняли «бойца для битвы» («Поэт»).

Купаловский поэт мечтает о том времени, когда на «высокай гарэ» (гарэ. – *Я.Купала*) построит «вежу-званіцу» и оттуда будет необыкновенным по своей силе звоном, сходным только с «віхрам і громам», будить души людей.

«Звон», зов поэта подобен путеводной звезде, ведущей на «прыволле, на ўродныя гоні». Купала наделяет поэта даром убеждать народ, поднимать его на борьбу, вести за собой. Его зов приобретает космический размах, «і магуч, і вялік».

В первой части стихотворения «Песня звана́ра» поэт провозглашает свою сверхзадачу: «І завешу я звон, з усіх чутны старон – Раўня голас і віхру, і грому». Если прежде лирический герой утверждал: «Я не паэта, о крый мяне, божа», то сейчас звучит заявление, подобное лермонтовскому: «Я – или бог – или никто!» (Лермонтов) – «Я свой звон ход у ход Размахну, як ніхто і ніколі» (Янка Купала). Купаловский поэт обретает не только силу пророка, глашатая «истин вековых», но и величие, «высокость», которая свойственна лишь богу; при этом он не уподобляет себя богу, понимая силу власти всевышнего.

Вторая часть стихотворения – судьба звонаря по прошествии определенного времени, в чередовании лучших (весна) и худших (зима) времен. Звонарь сохранился лишь в памяти людей, в «казках-байках», мир без него пуст и холоден. В то же время поэт твердо верит, что для народа навсегда останется звонарем-пророком, и это позволяет ему утверждать, что «вялікіх дум цвет Адно толькі на зломе ўзрастае!». Так Янка Купала утверждает, что его лирический герой пойдет по пути служения народу, утверждения идеалов.

Поэт у Янки Купалы решает и задачи национального освобождения. Стараясь пробудить в народе любовь к родному языку, чувство национальной гордости, самосознания, он часто укоряет белорусов в пренебрежении к собственному языку, доказывая, что он богат, красив, достоин уважения.

Стихотворение Купалы «Адповедзь» созвучно по своей идее стихотворению Лермонтова «Смерть Поэта». Белорусский поэт, как и его великий предшественник, в духе библейской образности отказывается от рая, обещанного ему уже тут, на земле, богатыми, от того рая, где будто бы поэта, признавшего над собой власть богатых, ждет «и доля, и слава».

Непримиримость белорусского поэта к морали богатых выражается в нежелании служить тем, кто платит, в лермонтовской силе свободы личности, в стремлении отдать свое дарование делу борьбы народа за лучшее будущее:

Буду печь не за славу, праз вас абяцаную;
 Буду печь, бо люблю свайго краю паляны.
 Буду печь, бо люблю сваю песню загнаную;
 Буду печь, бо мне дар гэты доляй пасланы.

Стихотворение «Адповедзь» Купалы, подобно лермонтовскому «Поэту», провозглашает свободу художника, его независимость от власти имущих, верность своим убеждениям. Купаловский поэт одинок, разочарован, не познал счастья любви. Однако он не может предать народ, изменить правдивой песне, его не интересует и слава, если она не от народа, его морали.

В лирике молодого Лермонтова одинокий поэт живет мечтами, страданиями, недоступными «толпе». В стихотворении «Поэт» Лермонтов вспоминает о былой славе поэта, когда его слово обладало великой силой, было необходимо и «бойцу для битвы», и «толпе... для пиров...», и «в часы молитвы». Все это осталось в прошлом: променяв на злато власть, которой был наделен, поэт перестал быть значимым. Слово поэта Лермонтов уподобляет «божьему духу», наделяет сверхъестественной силой, называет «колоколом на башне вечевой». Купаловский лирический герой-поэт возводит «вежу-званіцу» («Песня званаара»), а лермонтовский оставил в прошлом силу и славу пророческого слова. Потому в лирике Лермонтова закономерен призыв к поэту пробудиться ото сна, вернуться к былой славе.

Купаловский поэт также не лишен качеств, присущих романтическому герою, но он близок к народу, переносит все тяготы его жизни. «Поэт, песнярь – фигура исключительная, романтическая, приподнятая над окружающей повседневной жизнью («К небу думкай падлятаеш, шчасця зычыш для людзей»). Тем не менее, несмотря на свою недостижимую романтическую высоту, поэт для Купалы лишен даже тени индивидуализма, любования своей исключительностью, потому что всеми струнами души, сердца он как раз связан с повседневностью жизни, с ее «грубыми» материальными потребностями, интересами» [50, 35].

Я. Купала является сторонником поэзии, полной глубокого идейного содержания, не оторванной от жизни, а максимально приближенной к ней. Поэт, по его мнению, должен брать сюжеты, образы для своих произведений из реальной действительности.

Современная поэзия и современный поэт, по убеждению М.Ю. Лермонтова, утратили свое назначение («Журналист, читатель и писатель»): «Трагедия поэта в том, что он измельчал, что он разобщен с народом... Он

разошелся с толпой не только потому, что она недостойна его и не может его понять, но и потому, что он сам, предавшись поэтической игре, перестал понимать простую и трагическую правду толпы («Не верь себе...», 1839)».

М.Ю. Лермонтов ратует за гражданственную поэзию. Недаром поэзия сравнивается им с кинжалом, грозным боевым оружием («Поэт»).

Стихотворение М.Ю. Лермонтова «Пророк» является переломным произведением. Герой стихотворения не мог понять причины краха его добрых намерений, равнодушия народа ко всем призывам. Поэтому лирический герой лермонтовского произведения, обладающий даром всезнания, мудрости, стремится пробудить в людях лучшие качества, однако встречает отпор с их стороны: «В меня все ближние мои Бросали бешено камня».

У Лермонтова люди обвиняют пророка в гордости, в «неумении» и нежелании жить такой жизнью, как они, что и является для пророка страшным ударом, ибо непонимание людей, отсутствие поддержки с их стороны лишает его жизненной опоры, и потому-то он «угрюм и худ и бледен» («Пророк»). Его добрые намерения ни к чему не привели, он сам несчастен; люди пребывают в состоянии сна, спят их ум, сердца, совесть – и это ужасает. Возможно ли вообще «достучаться» до людей, поймут ли они когда-нибудь, где ложь, а где правда, где добро, а где зло, – вопросы, мучающие лермонтовского пророка.

Пророк у М.Ю. Лермонтова принимает единственно правильное, как ему кажется, решение – покинуть людей, жить в пустыне, где будут послушны даже звезды, в которых он найдет благодарного слушателя.

Та же мука и у пророка Я. Купалы. В белорусском литературоведении довольно давно замечено, что «Купала разрабатывает лермонтовский вариант темы пророка» [63]. Так, и Г. Березкин в книге «Звенья» утверждал, что «у Лермонтова встреча пророка с людьми – начало стихотворения. И встреча эта трагическая... Купала разрабатывает именно этот, трагический, вариант темы пророка. И доводит его до остроты даже большей, чем у Лермонтова» [6, 168].

Купаловское стихотворение «Пророк» значительно по своей выразительности, глубокой философской мысли. Купаловский, как и лермонтовский, пророк, несущий людям правду жизни, знания, встречает на своем пути множество преград. Но у Я. Купалы имя пророка известно, слава о нем прошла повсюду, он многого добился: «Народу шмат збудзіў к дням новым, Даў славу братнюю братом» (братом. – Я. Купала).

Этот, уже познавший признание, пророк и попадает у Купалы к людям, которые рождались и умирали в нищете, которые терпеливо сносят унижения, ни к чему не стремятся, забыли все свои желания и мечты. Купаловского пророка беспокоит, что люди продали себя не только как рабо-

чую силу, они продали свои души, «смешали славы цвет с грязью», обесценили себя. Тогда он обращается к людям с призывом: «Паўстаньце, рабскія натуры...», «Назло кривавым перашкодам Скідайце ёрмы, клічце сход...». Купаловский пророк обещает падшему народу, что укажет правильный путь к свободе и не даст его никому в обиду.

Лермонтовский пророк уходит от людей в пустыню. Нельзя сказать, что у русского поэта он безучастен к равнодушию людей, оставшихся глухими к его призывам: у Лермонтова пророк просто не видит иного выхода, раз уже его поиски путей к душам людей оказались безуспешными.

Купаловский же пророк принадлежит другому времени, иной эпохе, потому предстает более решительным, более действенным, так как считает: подниматься на борьбу нужно сегодня, ибо завтра может быть поздно. Купаловский пророк уверен, что, только объединившись, осознав необходимость борьбы за справедливость, можно добиться успеха. И купаловский пророк, как и лермонтовский, боится, что люди не пойдут за ним, но в пустыню он не побежит. Трагически звучит заключительное четверостишие:

А людзі, глянуўшы на сонца,
Адказ казалі грамадой:
– Па колькі ж нам дасі чырвонцаў,
Калі мы пойдзем за табой?

Люди, «глянув на солнце», которое для поэта олицетворяет свободу, счастье народа, лучшую долю, отвечают пророку так, что становится ясно: они не откликнулись на его призыв. Это их беда, а не вина, так как они еще политически незрелы, их интересы не идут дальше собственного двора, они боятся борьбы, им кажется, что деньги решают в этом мире все. На наш взгляд, стоит согласиться с Г. Березкиным, который пишет: «Полагаю, что и те «червонцы», которыми «толпа», «люди» смертельно оскорбили нашего пророка, не столько символ ненавистного ему буржуазного своекорыстия, сколько отвергнутая романтическим максимализмом в целом сфера материально-практического, ее пренебрежительный перифраз. Может быть, люди хотели бы просто спросить у поэта: «А что еще кроме «прадедовских костей» и «песен животворных» обещает нам твое «зовущее» слово? Разве только ими живет человек?..» [6, 170].

Но у Я. Купалы есть в финале именно продолжение призыва, увещевания, борьбы – борьбы за прозрение слепых, борьбы средствами злой иронии, уничтожения практицизма, стяжательства, мещанства. Пророк Купалы не уходит, остается в среде непонявших. Активность его не перечеркнута равнодушием людей.

У лермонтовского пророка нет четкого, точного представления о конечной цели борьбы.

Тема поэта и поэзии развивалась в творчестве М.Ю. Лермонтова, Я. Купалы в близких руслах. И русский, и белорусский поэты схоже определили, каким должен быть певец, какие задачи требуют от него разрешения, каково его отношение к миру богатых и к народу. М.Ю. Лермонтов видит в поэте прежде всего избранника судьбы, глашатая истин, купаловский поэт считает, что он должен быть вместе с народом, «болеть» его болями, страданиями, не только нести народу правду жизни, но и звать его к борьбе за лучшую долю.

Я. Купала, как и М.Ю. Лермонтов, считает, что поэт наделен огромными полномочиями, от него зависит социальная, нравственная и духовная жизнь народа, потому он должен отдавать силы, ум, душу делу служения народу. Я. Купала уже в ранних стихах («Я не для вас...», «Адповедзь») отстаивал поэтическую независимость от угнетателей народа. Кроме того, развивая мотив пророчества, русский и белорусский поэты, следуя библейской образности, наделяя пророков даром предвидения, подчеркивают, что думающий, анализирующий народ способен понять правду пророка – личности передовой, зовущей к высокому, в некотором роде идеальному. Купаловский поэт, в отличие от лермонтовского, признает трудовой народ как силу, способную изменить мир, потому и зовет его на борьбу. Историческая действительность, перемены в мировосприятии народа позволили купаловскому поэту апеллировать к его уму и душе.

Мотивы славы и родины в лирике русского и белорусского поэтов усиливают и актуализируют оппозицию «мечта – действительность». При этом особенно интересным представляется то, что каждый мотив проецируется на плоскости «мечта» и «действительность», так как сочетает в себе желаемое, недостижимое и одновременно реальное, существующее.

У самых первых истоков – будто идентичные, эти мотивы разные, как разными были судьбы двух поэтов, времена, на их жизнь припавшие, исторические судьбы народов, их родивших.

Лирический герой М.Ю. Лермонтова равнодушен к славе, он ищет ее, так объясняя причину поисков:

К чему ищу так славы я?
Известно, в славе нет блаженства,
Но хочет всё душа моя
Во всем дойти до совершенства.

(«Слава»)

Поэт отдает себе отчет, что «вечно слава жить не может» («Слава»), все в этом мире преходяще, но слава имеет над ним власть, силу, она «руководит» поступками героя, требуя жертв. Он живет «Без цели, оклеветан, одинок» («1831-го июня 11 дня»), но со страстной надеждой на бессмертие, стремление же к славе не носит корыстного характера. Современный

мир слишком лицемерен, глуп, жесток, чтобы требовать от него понимания, уважения им человеческой личности, поэтому герой мечтает, чтобы его поняли и поддержали потомки, просит справедливой оценки своего «труда вдохновенного» («1830. Майя. 16 число»).

О славе купаловский герой не мечтает, ему достаточно того, что его песни будет петь народ, что его слово поведет за собой людей на борьбу за счастье и свободу, а это – высшая награда. Герой Я. Купалы не понимает тех, кто стремится к славе, когда народ бедствует, страдает:

Той рвецца да славы шырокай, вялікай,
 Той – жыці нязнатна, як дзеці;
 Той – песняй азвацца нясвойскай і дзікай,
 Той – родную думку запеці...
 ...А слезы другіх, што ліюцца прад намі,
 Ці ж могуць даць спаць нам спакойна?..

(«Шчасце»)

Слава для купаловского субъективного героя – не личное, а общенародное достояние, идущее прежде всего от народа, потому он и отказывается от «рая няснёнага», «доли и славы», обещанных панами. Дарованная чуждыми герою людьми, дарованная не как награда, которую нужно заслужить у народа упорным трудом, талантом, а брошенная, как милостыня, – такая слава не нужна купаловскому субъективному герою. Он бросает вызов сытым и довольным, когда говорит, что не отступит от своих принципов и избранного однажды пути:

Так, паночки, у будучу славу не верыцца,
 І пустых абяцанак мне слухаць няміла;
 А што ў сэрцы маім і душы цяпер дзеецца,
 Буду пець, громка пець, пакуль возьме магіла.

(«Адповедзь»)

В стихотворении «Перад вісельняй» купаловский герой «покушение» на свою славу воспринимает не как личную обиду, оскорбление, а как желание панов унижить его народ, растоптать, уничтожить его цвет, то лучшее, чем он обладает. Поэтому слова лирического героя подобны некоей бурной, громокипящей лавине:

Прыблуды з-пад Нявы крывавай,
 Калі ж апомніцець, калі?
 За што стапталі маю славу,
 За што на вісельню ўзвялі?

У Лермонтова слава – утверждение личности, ее духовного совершенства, гордого начала, прекрасного. Это – из философии, из нравственности личности. Слава у Я. Купалы – погранная врагами, историей, наполненная политическим, социальным, народно-освободительным смыслом.

У Лермонтова мотив славы порожден протестующим началом, отрицанием «ветхого мира», людей-«масок», их равнодушием и жестокостью.

В отрицании зла в разных, правда, его ипостасях М.Ю. Лермонтов и Я. Купала изначально едины, как едины в приверженности к правде, добру, ко всему светлому.

Лирический герой Купалы считает, что его правда идет от народа, принадлежит в одинаковой мере им обоим, потому никто, особенно «крывапіўцы» («Перад вісельняй»), не имеет морального права оценить эту правду.

Купаловский герой подобен герою пушкинского стихотворения «Я памятник себе воздвиг нерукотворный...», когда выражает надежду на достойную, беспристрастную, принципиальную оценку потомками его деятельности, считает справедливым суд истории, который расставит все по местам и не будет зависеть от богатства одних и бедности других:

Славу маю не вам, падваротні,
З гразню мяшаці хлысьцьбай падлыжнай, –
Сам я суддзёю! Ё прышлых лет сотні
Выдадуць суд свой правы, не кніжны.

(«Блізкім і далёкім»)

Лермонтовский герой – человек с ярко выраженным чувством любви к родине, народу, человек, для которого борьба за собственные честь и достоинство неразрывно связана с борьбой за честь отчизны: «умрет за честь страны родной» (Стансы («Не могу на родине томиться»)).

Высмеивая московскую знать, поэт говорит о своем понимании патриотизма. По его мнению, патриот – не тот, кто «Лишь своему языку обучен», это человек, способный к самопожертвованию во имя спасения отчизны. М.Ю. Лермонтов ироничен в характеристике патриотических чувств знати, что особенно ярко проявилось в подборе едкого, острого эпитета «чудесный» к слову «патриот»:

Он чванится, что точно русский он;
Но если бы таков был весь народ,
То я бы из Руси пустился вон.

(«Булевар»)

Кроме того, о высоких патриотических чувствах лермонтовского героя говорит и тот факт, что он не мечтает о личном счастье без общенародного, считая, что счастье можно обрести только в счастливой стране. Построить же такое общество можно, лишь избавившись от пороков, возведя в абсолют нравственность:

...путь ко счастью труден

От той страны, где царствует порок!..

(«Посвящение. N.N.» («Вот, друг, плоды моей небрежной музе...»))

Любовь к отчизне у Я. Купалы носит интимный и вместе с тем всеобъемлющий характер: это не просто любование красотой родного края. Поэт, наоборот, прежде всего обращает внимание на убогие, нищие хаты белорусов, на их непосильный труд. Перед нами лирический герой, для которого не существует чужой боли, беды. Купаловский лирический герой считает себя сыном своей земли, и никакая сила не способна лишить его родины:

І няма на свеце так вялікай меры,
І няма на свеце так каваных дзвераў,
Каб хоць на часіну ў будні ці ў нядзелі –
Беларусь са мною разлучыць пасмелі.

(«Я ад вас далека...»)

У Я. Купалы патриотизм теснейшим образом связан с мыслями о возрождении белорусской культуры, о пробуждении у белорусского народа национального самосознания. Эту проблему Купала считает архиважной, от ее решения зависело будущее края, судьба как нравственных, так и общественно-политических и социальных вопросов в различных аспектах (возрождение культурного наследия («Песня аб песнях»), «возвращение» языка («Хоць ты, сэрца, лопні, трэсні...», «Роднае слова»)).

То, к чему стремится белорусский народ, о чем мечтает лирический герой Я. Купалы, выражено лаконично, но это программные требования, непреходящие ценности, то, на чем должны строиться взаимоотношения между людьми: «свабода, роўнасць, знанне» («Ворагам Беларушчыны»).

Начиная примерно с 1909 года в стихах Я. Купалы встает все более зримый образ «маладой Беларусі», возникший на основе осмысления прошлого, истории Беларуси, ее настоящего и будущего, которое, по мнению поэта, не за горами. «Маладая Беларусь» – это и своего рода символ победы, торжества справедливости, это новый романтический образ белорусского поэта, рожденный чувством приближения грядущих перемен после первой русской революции, это и трепетная надежда-мечта. Причем знаменательным является то, что образ этот возник в период реакции, тяжелых лет безверия, разочарования в необходимости борьбы, он был призван «заражать» людей верой в победу.

«Маладая Беларусь» «расцвіла непагаслай зарой» («Маладая Беларусь»), но этому не способствовал легкий, беспрепятственный путь. Наоборот, «крыўда ў пахіленай хатцы», «праўда, тапаная, жывая», «пострах ворагаў сільных» стали толчком, вызвавшим ее к светлой жизни. Купаловский герой мечтает, чтобы и его Беларусь стала свободной, равноправной, – не случаен его призыв:

Занімай, Беларусь маладая мая,
Свой пачэсны пасад між народамі!..

(«Маладая Беларусь»)

Лирический субъективный герой Купалы неоднократно призывал к борьбе за свободу. Довольно интересным является воззвание, обращенное к родной стороне, это попытка разбудить ее от «рабскага сну» («Выйдзі...»). В этом стихотворении-воззвании белорусский поэт, используя символику (весна, зима, солнце, звезды, сон и т.п.), имеет в виду не столько природные явления, сколько движение социальных сил. Причем если все социальные силы имеют аналогии в мире природы, то Беларусь не имеет какого-то конкретного образа, облика, настолько она многолика, многообразна. Можно представить ее и нежной девушкой, и познавшей горе, беду, потери женщиной, и «Птушкой свабоднай», чем-то масштабным, доходящим до космических размеров, вольным, слуги которого – «мазольных рук міліёны» («Выйдзі...»).

Номинация «Бацькаўшчына» синонимична номинациям «Беларусь», «родной край», но в ней уже изначально заложено народом, его памятью нечто большее: это тот край, откуда пошли «корни», это то, что связывает героя с землей. «Бацькаўшчына» сродни «матулі», «бацьку»: она приголубит, потому и обида, нанесенная ей, воспринимается героем глубже, чем обида, нанесенная ему лично: «Як бог адзін – яна ў мяне адна» («Гутэйшы»). Для героя «Бацькаўшчына» не просто Мир, Пространство, но и своего рода Религия, Бог в высоком понимании слова, во что он не устанет верить: «Граніц ніхто йшчэ вокам не абняў...». В этом изначально метафизические, романтические черты поэзии Я. Купалы. Они идентичны у любого романтика: и у Байрона, и у Лермонтова. Так, у М.Ю. Лермонтова типологически то же ощущение времени, мира – макромизация, поляризация.

Долгим и трудным был путь лермонтовского героя к точному определению отношения к родине, любовь его к ней была противоречива. С какой нежностью он пишет о полях «земли родной»! Он поражен красотой степи, которая «раскинулась лиловой пеленой, И так она свежа, и так родня с душой...». Кажется, что земля «создана лишь для свободы...», но почему-то героя не покидает печаль, его сердце болит от сознания, что родина «порочная» («Прекрасны вы, поля земли родной...»). Несмотря на то, что родина героя – тот край, где «рано гаснет... добра спокойный пламень», где «стонет человек от рабства и цепей», он не перестает ее любить и называет «моя отчизна» («Жалобы турка»).

Одно из последних стихотворений М.Ю. Лермонтова посвящено родине, в нем он рассказал о любви к ней, понимая эту любовь «истинно, свято и разумно» [25, 263]. Любовь многообразна в своих проявлениях, герою милы бескрайние просторы отчизны, «огни печальных деревень». Он любит близкими сердцу картинами:

Люблю дымок спаленной жнивы,
 В степи ночующий обоз,
 И на холме средь желтой нивы
 Чету белеющих берез.

(«Родина»)

Не прельщают лирического героя «Ни слава», «Ни... покой», «Ни темной старины заветные преданья», ему стало близко то, что любит его многострадальный народ. Отрадно герою увидеть достаток крестьянина, «пляски с топаньем и свистом» («Родина»).

Герой М.Ю. Лермонтова связан с родиной множеством крепких нитей, только эта связь вечна и надежна, только она поможет выдержать любые испытания:

...я родину люблю

И больше многих: средь ее полей
 Есть место, где я горесть начал знать;
 Есть место, где я буду отдыхать,
 Когда мой прах, смешавшийся с землей,
 Навеки прежний вид оставит свой.

(«Я видел тень блаженства; но вполне...»)

Герой белорусского поэта гордится своей землей и вместе с тем страдает от того, что она бесправна. Знакомые ему с детства, близкие сердцу картины природы переданы с огромной любовью в стихотворении «Брату ў чужыне». Под пером Купалы все «оживает», наполняется красками, звуками, светом: «Ірдзіцца лета бліскам рос», «напявае зімка стужкай», «рэха ловіць цёмны бор». В стихотворении встречается едва ли не лермонтовский образ: «Бяроз плакучых сумны рад» (у М.Ю. Лермонтова: «Чета белеющих берез» («Родина»)). Только купаловские березы – «плакучие», так как они свидетели горя и бед народа. У Лермонтова березы – символ родины, это образ, несущий покой, уверенность и умиротворение одновременно. Он чист и светел, четок и сдержан своим рисунком, что является залогом гармонии.

У Купалы усиление эпитета «плакучая» словом «сумны». Его березы не просто олицетворение родины, не немые свидетели – они как в зеркале отразили все беды и несчастья родного края, неся на себе бремя народных страданий.

Любовь лирического героя Купалы к родине выстрадана, он не просто вспоминает прошлое, он мучается от сознания, что этот «мірны» край «сумны». Нет в нем счастья, а герой мечтает, чтобы оно пришло на эту многострадальную землю. Иногда купаловского субъективного героя охватывает отчаяние от того, что «злая доля змагла і мой край і людзей», и тогда он восклицает:

Дзе ж мой дом, дзе мой люд?
Дзе айчызна мая?

(«Над сваёй Айчызнай»)

Безмерная любовь купаловского героя к родине воплотилась в созданном им образе идеальной отчизны («Маладая Беларусь»), где будут царить равноправие и свобода.

Слава и родина в лирике М.Ю. Лермонтова и Я. Купалы – две полярные и в то же время гармонирующие между собой номинации. С одной стороны, славу М.Ю. Лермонтов и Я. Купала понимают как славу лирического героя – двойника поэта, понимают ее как награду потомков, награду Времени вообще, бескомпромиссного Суда истории. Купаловский лирический субъективный герой, кроме того, в силу своего неразрывного единства с народом воспринимает славу и как общенародную славу, а потому она в его лирике и проецируется на плоскость общечеловеческих ценностей: слава – народ – родина. Поэты традиционны в понимании и осмыслении мотива «родины», ибо она для них – не просто место, где они родились, они понимают ее как братство людей, силу, в которой, быть может, есть единственно реальный путь спасения и избавления от одиночества, разочарования. Как и в отношении ко всему, а к родине особенно, лирические герои Лермонтова и Купалы не приемлют лицемерия. Родина для них – душа, смысл жизни, потому человек в проявлениях чувств к ней должен быть искренним и честным.

Купала с мотивом родины связывает надежды на возрождение белорусского народа, на приобщение его к непреходящим ценностям. Размышления русского и белорусского поэтов о родине привели к логическим рассуждениям о будущем общества.

М.Ю. Лермонтов, как романтик, отдавал предпочтение господству в обществе будущего нравственных ценностей, их определяющей роли в отношениях между людьми. Общество будущего в представлениях белорусского поэта – «Молодая Беларусь», союз равноправных, честных, свободных людей. В мечтах русского и белорусского поэтов следует усматривать общечеловеческие представления личности о прекрасном.

Универсальная оппозиция «мечта – действительность» позволяет отразить страдания лирических героев Лермонтова и Купалы от несвободы, от несоответствия между желаемым и существующим, что своим трагическим разладом типологически сближает героев двух поэтов. Лирике Я. Купалы, как и стихотворениям Лермонтова, свойствен свободолобивый характер. Воспринимая личность как часть природы, неотъемлемым свойством которой является сосуществование, развитие свободных, взаимодействующих между собой реалий, Лермонтов утверждал право выбора личностью целей в жизни и возможность осуществить их. Для русского поэта

свобода – прежде всего способ реализации потенциальных возможностей, деятельность свободного человека. Свободолюбивый характер купаловского субъективного и «суммарного» лирического героя обусловлен рядом новых исторических причин, потому трансформируется довольно оригинально в лирике белорусского поэта. Купала, как и Лермонтов, за свободу человеческой личности, он тоже считает, что ее наличие или отсутствие определяют мировосприятие личности. Однако, помимо борьбы за свободу отдельной личности, в лирике белорусского классика – непреодолимая жажда свободы нации, борьба за национальное возрождение белорусского народа. Осознание двойного гнета: социально-политического и национального – придавало романтизму Купалы активный характер.

Оппозиция «мечта – действительность» у Купалы приобретает скорее социально-политический характер, нежели нравственный.

Ф. Шлегель в одной из своих статей заявляет: «Быть свободным – значит быть человеком» [71, 235]. Таким образом, свобода – неперемное условие, путь, возможность устранения оппозиции «мечта – действительность», воплощение в жизнь идеалов добра, красоты, правды.

2.3. Поэт и мир

Оппозиция «мир – человек» конкретизирует две предыдущие оппозиции «бытие – быт», «мечта – действительность» и обращает М.Ю. Лермонтова и Янку Купалу к внутреннему миру личности в стремлении разгадать ее «тайну». Через мотивы грусти, тоски, одиночества, разочарования оба поэта определяют содержательность внутреннего мира героя, пафос его исключительности.

«Темницей», тюрьмой была для лермонтовского лирического героя современная ему действительность. Он мучительно хочет «сиянья дня», воли, свободы, потому и сравнивает себя с ветром: «В степь, как ветер, улечу», но его надежды тщетны, мечты невыполнимы: «Одинок я – нет отрады...». Чтобы еще резче выделить, подчеркнуть беспредельную грусть, трагизм одиночества своего героя, поэт находит тусклые, «бесцветные» краски: луч лампы, который должен «оживлять» все вокруг, озарять светом, радостью, счастьем, «Тускло светит... Умирающим огнем...» («Узник»).

Полная разобщенность героя со светской толпой, в среде которой «При шуме музыки и пляски» он чувствует себя чужим, незванным гостем, созерцающим окружающих, испытывая при этом презрение к ним, показана поэтом в стихотворении «Как часто, пестрою толпою окружен...».

Купаловскому герою, как и лермонтовскому, некому открыть свою душу, поведать о том, что мучает, не дает покоя. Сравнивая себя с «сиротой», купаловский субъективный герой тем самым показывает, сколь беспросветна его жизнь. Есть у него два постоянных спутника, однако их предназначение – не в том, чтобы скрасить одиночество лирического героя, – они его еще больше усугубляют:

Дык жа мучце мацней
Ты – бяда, ты – нуда!
З вамі дружбы маей
Не размые вада.

(«З бяды і нуды»)

Лирического субъективного героя Я. Купалы трудно обвинить в эгоизме, в равнодушии к различным проявлениям жизни: он любит «ўсходы наших палеткаў», «шаптанне крынічнае ўлетку», «Свой народ – гэту звяўшую кветку», «Цэлы край – родны... й дарагі». Однако его волнует вопрос: «...хто ж любіць, хто любіць мяне?» («Я люблю»). Неужели ни в ком он не обретет ответного чувства, неужели его участь – вечное одиночество? Так и остаются эти вопросы без ответа.

В жизни купаловского героя наступают минуты «цяжкія, трудныя», минуты «горкіх жаляў», когда его разочарование столь глубоко, что он приходит в отчаяние, «Нямілым робіцца жыццё» («Бываюць хвілі...»).

Мотив одиночества у Я. Купалы побеждаем купаловской верой в молодую Беларусь.

Мотив одиночества, трагизм в лирике Купалы в конечном итоге исходили из условий, в которых жил белорусский поэт.

Одиночество – это и постоянное душевное состояние лирических героев двух поэтов, и закономерный итог их размышлений о жизни, попытка разобраться в себе и окружающих их людях. С другой стороны, одиночество – это своего рода самозащита, образ мысли, это и желание отгородиться от бездумного, бездушного мира, с тем чтобы сохранить чистоту помыслов, желание отстаивать общечеловеческое, великое в мире. И, наверное, одиночество – естественное состояние лирического романтического героя, ибо это личность неординарная, беспокойная, мятущаяся. Определяющим у обоих поэтов в разработке этого мотива является то, что их герои все-таки пытаются преодолеть свое одиночество: самоанализ, беспристрастный по своему характеру, строгий суд над собой, постоянное апеллирование, «выход» к небу, звездам, миру, а у Купалы еще и надежды героя на поддержку и понимание со стороны народа.

Лирический герой М.Ю. Лермонтова тщательно скрывает, какое бо-ренье чувств, мыслей происходит в его душе:

Я холоден и горд; и даже злым

Толпе кажуся; но ужель она
 Проникнуть дерзко в сердце мне должна?
 Зачем ей знать, что в нем заключено?
 Огонь иль сумрак там – ей все равно.

(«1831-го июня 11 дня»)

Значит, и в его сердце огонь, значит, и оно не бесстрастно, значит, равнодушные – это внешнее, маска.

Лермонтовский герой скрытен, вся его жизнь – «таинственная повесть». В судьи себе он берет лишь бога и совесть: люди-«невежды» («Я не хочу, чтоб свет узнал») не способны его понять. Почему он никому не может довериться? Истинная причина скрытности, глубокая и серьезная, основана на противоречиях в позиции лермонтовского героя и окружающих его людей. Не случайно сравнение их с камнями, в своем равнодушии потерявшими жизненную силу, духовность, превратившимися в предметы неживой природы:

... Живу, как камень меж камней,
 Излить страдания скупясь:

Пускай сгниют в груди моей.

(Отрывок («На жизнь надеяться страшась...»))

Лирический герой М.Ю. Лермонтова спрашивает себя: «...что пользы мне душу открыть?..» (К Дурнову), заранее понимая, что его стремление поведать о сокровенном натолкнется на глухую стену непонимания, презрения, нравственной глухоты. Постепенно герой приходит к выводу, что все его тайные мысли должны умереть вместе с ним: «Что в сердце, обманутом жизнью, хранится, То в нем и умрет» (Романс («Хоть бегут по струнам моим звуки веселья...»)).

Купаловский герой, как и лермонтовский, тоже ищет единомышленников, он одинок, его угнетают горькие мысли, жизнь безрадостна: «Нялёгка на сэрцы, нялёгка! Дум чорных не збыцца дзень цэлы...» («На прадвесні»).

Но купаловский герой реже, чем лермонтовский, говорит о своей скрытности. В выражении чувств лирический герой белорусского поэта скуп, что еще больше подчеркивает его нежелание доверить думы чуждым ему людям:

Няма з кім дзяліці гора,
 Смутку і пацех;
 Вылі слёз хоць цэла мора,
 Чужым будзе смех.

(«Пакахай мяне, дзяўчынка...»)

Лермонтовский герой поднимается выше мести, он, зная о гнусных сплетнях, распускаемых обществом о нем, не проклинает их представителей, а пытается понять, что лежит в основе их злобы, почему людям доставляет удовольствие приносить боль и огорчение другим: «Противу них во мне горит, клянусь, Не злоба, не презрение, не месть» («1830 год. Июля 15-го»).

Купаловский лирический субъективный герой как бы обрекает себя на самосожжение, «огонь адский» не вносит в его жизнь успокоения, а еще больше терзает, усугубляя положение. В «огне мучительном» «сгорают» любовь к жизни, мечты, надежды, вера в лучшее. В такие минуты герой проклинает даже «сэрца роднага біццё», «...і быт, і долю». У него нет в мире единомышленников, для него «цэлы свет злалюдны» («Бываюць хвілі...»). Подобное неприятие мира у Я. Купалы ближе всего к М.Ю. Лермонтову.

У М.Ю. Лермонтова есть удивительное сравнение звуков со слезами. Звуки, исполненные глубочайшей искренности, тоски, в которых – выражение души, вызывают в другом человеке ответное чувство сострадания, очищения:

...и звуки чередой,
Как слезы, тихо льются, льются...
...и слезы из очей,
Как звуки, друг за другом льются.

(Сосед («Кто б ни был ты, печальный мой сосед...»))

У белорусского тоже есть строки «как слезы, тихо льются, льются...», однако у него в отличие от Лермонтова образ «слезы» связан с судьбой лирического субъективного героя и с судьбой героя «суммарного». Постоянные спутники купаловского «суммарного» героя – нищета, бедность, бесправие, а отсюда – и слезы о своей судьбе: «Ой, ліюцца слёзы ў дзяцей, і ў маткі...». Слезы, по его мнению, – помеха, они мешают увидеть свет, поверить в будущее: «Бядак за слязамі Не бача і сонца» («Пакуль сонца ўзыйдзе...»).

Трудно купаловскому субъективному герою, когда господствует «бяда чорная», ставшая причиной его слез, мыслей о смерти как единственном избавлении от страданий:

Смутна, смутна, цурком слёзы
Льюцца з-пад павек,
Хоць бы йшла ўжо смерць-магіла,
Чымся так жыць век!

(«Па жыццёвай пуцявіне»)

Не может лирический субъективный герой Я. Купалы сдержать слезы и тогда, когда перед ним – «роднага шчасця абраз» («Развейся, туман...»), поражающий своей убогостью.

«Паліліся мае слёзы...» – отражение состояния героя, его непокорности, противостояния несправедливостям мира, внутренний протест: «С цяжкай думкай – пакарыся! – Паліліся, паліліся». Что оплакивает герой? Это слезы не о себе и даже не о своей судьбе. Это плач о судьбе народа, края, Земли. Что ждет Землю в будущем – неизвестно, а прошлое и настоящее ее беспросветны. Потому и льются слезы «На ўсё, што было, ёсць, будзе» («Паліліся мае слёзы»).

Лирический субъективный герой Я. Купалы – микрокосм, проявления которого и «дорога», и «плачка сумная – бяроза», и «вечер». Но все эти номинации – отражение того же одиночества, смятения, незащищенности.

Мотив «не плачь» М.Ю. Лермонтов разрабатывал по отношению к безответной, несчастной любви девушки, которая любила искренне, преданно. Трагедия ее любви состояла в том, что для ее избранника – выше всего слава и «война». Лирический герой Лермонтова утешает девушку, принесшую себя в жертву любви. Но и ее возлюбленного герой считает жертвой собственных заблуждений, расчета («Не плачь, не плачь, мое дитя...»).

В лирике белорусского поэта этот мотив представлен в несколько ином ракурсе. Купаловский герой, обращаясь к своему «брату замучанаму», пытаюсь отвлечь его от тяжелых дум о безотрадной жизни, постоянно повторяя «не засні!», внушает ему мысль о приближении «лучших новых дней». Потому, считает он, нужно мобилизовать все возможности, верить и приближать счастливые дни: «Дык не плач жа, брат мой, запей песню самной!» («Не ўздыхай!»). Об этом говорит герой и в стихотворении «Зіма». Его мысли – о скором приближении весны, когда на смену времени слез придет время песни – таков неизбежный ход жизни:

Не плач, бедны, слязой горкаю!
 Да вясны трэба памучыцца:
 Ўзойдзе доля новай зоркаю,
 І няшчасным папець лучыцца.

(«Зіма»)

Лирический герой Я. Купалы зовет недостижимое счастье, верит в его приход, ведь неизбежно наступление дня, когда исчезнут темные силы, ставшие преградой на пути к лучшему: «...Пейце ж, думкі, шчасце будзе, Ночка разаднее!» («Да сваіх думак»).

Трудно найти грань, разделяющую такие состояния лирического героя двух поэтов, как «тоска», «печаль», «одиночество», «разочарование».

Лирический герой М.Ю. Лермонтова убедился: «жизнь... – ...пустая и глупая шутка...». Горько герою признать, что жизнь, к которой он всегда относился серьезно, – шутка, когда все с легкостью обманывают, смеются

друг над другом; его поражает бессердечие людей, их желание пройти мимо чужой беды:

И скучно и грустно, и некому руку подать
В минуты душевной невзгоды...

(«И скучно и грустно»).

Купаловский субъективный герой довольно часто в дооктябрьской лирике будто вторит лермонтовскому: и его печаль, тоску никто не может разделить, и он безрезультатно пытается пробиться сквозь стену равнодушия к людским сердцам («Стужа збліжаецца», «Прыстаў я жыць...» і др.).

М.Ю. Лермонтов и Я. Купала передают одно и то же душевное состояние своих героев:

...минута душевной невзгоды... («И скучно и грустно»)

Бываюць хвілі горкіх жаляў... («Бываюць хвілі...»)

Купаловский герой называет тоску «чорнай» («Па жыццёвай пуцявіне»), вкладывая в определение глубокий смысл: беспросветная, темная сила, борьба с которой нелегка.

Внутренний мир лермонтовского героя соткан из противоречий: «Я люблю и боюсь быть взаимно любим» (Стансы («Мне любить до могилы творцом суждено...»)). Это не самолюбование: прежде чем произнести такие слова, герой много передумал, перечувствовал. И коль он обречен творцом на страдание, то не хочет принести подобные муки другим, он будто свыкся с мыслью о собственной судьбе страдальца. Это человек сильный духом, волевой, способный управлять собой:

Я не чувств, но поступков своих властелин,
Я несчастлив пусть буду – несчастлив один.

(Стансы («Мне любить до могилы творцом суждено...»))

Купаловский субъективный лирический герой тоже живет в четко очерченном им самим круге личных переживаний, не желая открыться кому бы то ни было, считая, что его может понять только тот, «хто аж да сканання Не пазнаў спакою, не пазнаў прыстання» («Я ад вас далёка...»), не может расстаться с «горам нявольным», с «болем неспажытым», «жалібай нявольнай» («Легла на сэрца гора нявольная...»).

Справедливо утверждение И.П. Щерблыкина, что «тоска Лермонтова, его жалобы на безотрадную судьбу – это не сетования врожденного меланхолика, а активный боевой настрой человека, не признавшего пороки окружающей его действительности как «норму» жизни» [72, 163–164].

Лирического героя М.Ю. Лермонтова мучают собственная бесперспективность, беспомощность, бесполезность, он прекрасно понимает, что можно убежать от «мелочных сует» («Как в ночь звезды падучей пламень...»), но от самого себя уйти невозможно.

И герой Я. Купалы, как и Лермонтова, больше всего боится оказаться ненужным людям, прожить жизнь, не оставив в ней следа:

Марнее моладасць мая
У беспрытуллі, ў беднаце,
Нуда – нямручая змяя –
Дух мучыць, а бяда гняце.

(«Думкі перад вясной»)

Ожидание лучших дней бесполезно – такой вывод делает лермонтовский герой из своих наблюдений над жизнью: «В грядущем счастья так мало!...» («К другу В.Ш.»).

Герой дооктябрьской лирики Я. Купалы знает: ответа на вопрос «Чего ждем?» не даст никто («Як цені»), людям с «цяжкой» долей нет в этом мире места («З песень бедака»). И в прошлом не осталось ничего, что могло бы согреть теплотой воспоминания, и молодость с ее высокими порывами, надеждами не может растопить «лед» на сердце:

Глуха прайшлі год за годам,
Дні, што ідуць, не ўсміхаюцца,
Моладасць з вольным паглёдам

Гасне пад горасці лёдам...

(«Стужа збліжаецца»)

Страдания «суммарного» героя похожи на страдания лирического субъективного героя Я. Купалы, особенно периода реакции. Он тоже не видит выхода, все попытки разорвать круг бед, одиночества оказываются бесполезными:

Дзе я ні кінуся, з песняй ні вылету, –
Выхаду, сцежкі няма...
Лёдам гасцінец мой выбіты, выліты, –
Лёд – як магіла сама.

(«Легла на сэрца гора нядольнае...»)

Тоска охватывает лирического субъективного героя Я. Купалы чаще всего тогда, когда он видит «горе людское», потому его угнетает, что люди «праз цемнату ўсю сваю непрасветную Бачыць свайго паніжэння не ў сілах» («З маркотных думак...»).

Часто лирический герой Я. Купалы находит точное определение своему душевному состоянию: «І восень на свеце, І восень на сэрцы». Говоря об осени на сердце, он вспоминает наблюдаемую каждый год в поле весну, но его души она не оживила, не привнесла в нее радости жизни; в его душе «Моладасць, вясёласць Не жылі...» («З асенніх напеваў»).

Признание лирического субъективного героя «Прыстаў я жыць на белым свеце» – слова глубоко разочаровавшегося человека, не знающего, в

чем смысл жизни, как жить дальше: «Куды ісці? За што ўчапіцца? Якім багам паклоны біць?» («Прыстаў я жыць...»). А ведь были у него благие намерения, ведь хотел он «Святлом ніштожыць нашы мукі», «ўзнімаць патоптаныя душы», «К жыццю падняць з магільнай сушы ўсіх, што толькі яшчэ спяць» («Прыстаў я жыць...»). Однако осуществит задуманное ему пока не удалось.

Если печаль, страдание – нормальное состояние героя М.Ю. Лермонтова, не жаждущего «даром славы», а желающего «жить ценою муки» («Я жить хочу! хочу печали»), то купаловский герой, хоть его и преследует «сум-вораг», не считает печаль, страдание нормальным состоянием для себя и других («Па межах родных і разорах»).

У М.Ю. Лермонтова грусть – личная и вселенская, романтическая. У Я. Купалы – личная, болевая, это грусть лирического героя, грусть народа, матери его и отца, Батьковщины. Но эта грусть не перерастает в мировую романтическую скорбь, хотя в сборнике «Гусяр» есть будто родимые пятна ее, когда герой называет себя «сыном мира», доказывая свою причастность ко всему происходящему на планете. Печаль героя белорусского поэта – гражданственно-социальная, призывающая к протесту, созидающая, побуждающая к действию.

Микромотив «я хотел бы» сродни микромотиву «желание», но в нем – самое сокровенное. Так, лермонтовский герой хотел бы, подобно вольной птице, «в небесах... парить», ибо посвятил свою жизнь одному – свободе, которая дорога ему, но недоступна, потому герой с горечью констатирует свое бессилие перед «строгими законами судьбы» [37, 1, 192].

Лирический субъективный и «суммарный» герой белорусского поэта страдает, грустит и оттого, что подневолен, зависим. Он хотел бы свободы, которая откроет двери в мир, где царят равноправие, взаимопонимание, счастье: «Дайце мне волю, дайце арліную, Вырвіце з путаў, аковаў!» («Дайце мне...»).

Мечты купаловского героя (микромотив «я хацеў бы»), на первый взгляд, кажутся слишком приземленными: «хацеў бы, каб зімаў строгіх не было», «каб доля ў хатцы жыла» и т.д. Но от желаний, столь близких и понятных бедным людям, купаловский субъективный герой поднимается выше и говорит о воле, свободе для всего народа, и за это он готов идти на бой:

Ой, пайду я ў поле,
Як бы на вайну,
Шукаючы волю,
Шаблячкай махну!

(«З песень нядолі»)

Не менее интересен микромотив «печально я гляжу...», интерпретируемый русским и белорусским поэтами по-разному. Лермонтовский герой «печально» смотрит на свое «поколение», которое обречено: «В бездействии состарится оно» («Дума») – к такому горькому выводу он приходит. В чем и в ком видит он причину этой беды? Отсутствие цели, борьбы, страх перед «властью», «холод тайный», поглотивший и покоривший «огонь... в крови» («Дума») – вот корень нравственной гибели, краха жизни молодого поколения.

Лирический герой белорусского поэта, наоборот, именно с молодежью связывает свои надежды на возрождение «сумнай забранай зямлі»; молодежь должна реализовать свои силы, возможности в борьбе за родной край – «Беларусь». Это «слова святое» поможет выстоять в борьбе со «злымі ворагамі». В определении «моладзь арліна» («Моладзі») вкладывает поэт глубокий смысл: это сила и мощь, это – свобода и независимость.

Мотиву покоя нельзя отвести ведущую роль наряду с мотивами родины, любви, поэта и поэзии, смерти и др. ни в русской, ни в белорусской, ни в польской лирике вообще, ни в лирике Лермонтова и Купалы в частности. Однако это мотив, имеющий историю, уходящий своими корнями в Библию, прошедший этапы становления, развития, трансформации в произведениях поэтов и писателей XVIII–XX вв. В XVIII веке покой рассматривается больше как внешнее состояние человека (Сумароков, Карамзин и др.). Беспокойный XIX век закономерно породил в художниках интерес к проблеме покоя не просто как к прямо противоположному беспокойному состоянию, а как к естественному течению жизни, гармоничному во всех ее проявлениях, при пристальном внимании к душе человека, его внутреннему миру. Само по себе понятие покоя предполагает несколько проекций, если исходить из взаимосвязи и взаимодействия различных явлений действительности. Можно говорить о покое жизни, смерти, совести, природы и т.д. В Библии покой трактуется как покой души при кротком и смиренном сердце, как награда человеку за его доброту, открытость. Однако этого состояния достичь не так-то просто: только долгий путь самоусовершенствования может даровать его.

А.С. Пушкин в первых стихотворениях о покое ставит данное понятие в один смысловой ряд с понятием «счастье», в более поздних произведениях подобное не происходит: сказалась жизнь, полная тревог и потерь. Констатация факта: «На свете счастья нет» горька и поучительна, она – результат вдумчивого постижения реальности. И все же не все так пессимистично и безотрадно, ибо «есть покой и воля» [56, 315]. Пушкин, таким образом, присоединяет к мотиву покоя понятие воли, свободы, в чем видит надежду на возрождение, воскресение души.

Лермонтовский лирический герой утверждает, что он ищет «спокойствия». Значит ли это, что он отказался от своих убеждений, смирился с происходящим и хочет жизни без тревог и волнений? Вовсе нет: герой ищет понимания, надеется хоть на какое-нибудь изменение к лучшему, однако надежды на это у него очень мало: «Гляжу назад – прошедшее ужасно, Гляжу вперед – там нет души родной!» (К*** («Не думай, чтоб я был достоин сожаленья»)).

М.М. Уманская в книге «Лермонтов и романтизм его времени» пишет: «Понятие покоя у Лермонтова-романтика не идентично «холодному сну» души, состоянию бездействия, размагничивающего человека и убивающего его волю к борьбе и действию. Покой означал для поэта прежде всего достижение утраченной внутренней гармонии с природой» [66, 104].

В стихотворении «Выхожу один я на дорогу» герой Лермонтова ищет «покоя и свободы». Высказывая мысль о смерти: «Я б хотел забыться и заснуть!», «он не желает уйти в небытие, пугаясь «холодного сна могилы». И жизнь ему дорога, потому и покой у него не загробный, не вечный, а покой жизни, свободы.

Для лирического героя Я. Купалы покой – состояние идеальное, неосуществимая мечта, ибо его преследует «сум-вораг», когда плачет душа. Покой тогда так и останется за чертой достижимого, тогда «І не прыйдзе спакой Да магільнай даскі» («Нуда»). Неоднократно пишет Купала и о покое загробном. Такая горькая констатация: «Спакой толькі ў дамавіне» («Нябожчык»), «у цёмнай магiле» («Дзяўчынцы») не случайна, ибо только смерть принесет избавление от «нядолі, няволі» («Нябожчык»).

Лирический субъективный герой Я. Купалы страдает от сознания того, что проливаются слезы, лишаящие покоя; само понятие справедливости потеряло свою ценность, так как каждый трактует его по-своему.

Расставание с родным краем для героя лирики белорусского поэта – тоже лишение покоя, оно лежит тяжким бременем, тревожит, угнетает. Это состояние сродни положению человека, который «аж да сканання Не пазнаў спакою, не пазнаў прыстання» («Я ад вас далёка...»).

У Я. Купалы покой таит и опасность: может быть «предательским». Такой покой управляет человеком, опасность же его в том, что он носит внешний характер, душа героя – в полном подчинении «сума ворага» («Па межах родных і разорах»), злейшего врага людей.

В лирике белорусского поэта покой сродни понятию «спокойствие», которое Купала называет «вялікім» и обещает его «Ўскросшым з нізін, дзе зніч праўды затух» («К зорам»). Употребляет он и такое сочетание, как «песня покоя», в котором видит очищающее душу начало, нечто

приподнятое над пошлой обыденностью, способное вынести душу «над шумам пабедным» («Вячэрняя малітва»).

Атмосфера «трывожна-святога» покоя будто определяет ход событий. Покой тревожен, хрупок, свят для героя, он и трогателен, и несказанно дорог.

Я. Купала, как и А. Пушкин, выстраивает символический смысловый ряд «вера, надея, спакой» («Запела вясна сваю песню»). Вера никогда не покидает лирического субъективного и «суммарного» героя Я. Купалы, его вера – молодая Беларусь, возрожденный родной край, народ. Покой же для него – счастье свободного человека в свободном крае, конечная цель всех его мечтаний.

Таким образом, понятие покоя в лирике А. Пушкина, М. Лермонтова, Я. Купалы и других поэтов тождественно интерпретируется как состояние активного действия в сфере нравственной и духовной. Поэты представляли этот мотив и как покой природы, вечный, загробный покой, но идеальным все-таки считали гармонию мысли, чувства, покой души. Ни один из поэтов не представляет покой как покой совести. Наоборот, это активная позиция противостояния всему антигуманному, лживому, жестокому. Обретение покоя потому для них – надежда, пусть призрачная, но ни на минуту не покидающая их.

Мотивы одиночества, разочарования, грусти, покоя у романтиков всегда сочетались с мотивом смерти или проецировались на этот мотив.

Лермонтовский лирический герой думает о смерти, в которой видит единственное спасение от земных страданий, обрушившихся на него. Мотив смерти своеобразно трактуется русским поэтом. Герой Лермонтова презрение к собственной судьбе и миру («...судьбу я и мир презираю...») объясняет тем, что «...душа слишком пылко любила, Чтобы мог его мир полюбить» («Хоть давно изменила мне радость...»).

Желание смерти можно объяснить усталостью от жизни, принесшей только разочарование, печаль, боль; ответом на все лучшие порывы был обман:

Пора уснуть последним сном,
Довольно в жизни пожил я;
Обманут в жизни был во всем
И ненавидя и любя.

(«Пора уснуть последним сном...»)

Смерть лермонтовский герой принимает «без роптанья», он готов к ней, она для него – «давно желанный сон» (Стансы («Не могу на родине томиться!»)). Откровение поражает своей прямоотой. Как должна быть не мила жизнь, чтобы вот так, по собственной воле, идти к смерти! Однако уже в 1841 году в стихотворении «Выхожу один я на дорогу», по

справедливому замечанию Г.П. Макогоненко, – новая трактовка мотива смерти: «...у Лермонтова новое состояние – «Я б желал навеки так заснуть», при сохранении полноты новой жизни – «Чтоб в груди дремали жизни силы». Поэт определяет ее как «вечный сон» – образ не новый, но здесь он наполнен живым дыханием вечной жизни. Это «не холодный сон могилы», а особое состояние полноты бытия духа после окончания земного существования. В новой жизни нет убийственных противоречий действительности, они не властны над человеком. Торжествует гармония с природой (оттого и образ дуба), и голос любви – любви к миру, к людям вообще, к женщине в частности, любви к высшему и интенсивнейшему проявлению душевного богатства личности» [45, 340].

Герой дооктябрьской купаловской лирики тоже переживает моменты душевного кризиса, когда все теряло свою привлекательность, и тогда спасение он видел, как и лермонтовский герой, в единственном – навеки уснуть: «І даў бы думам спаць уволю І сам бы спаў, навекі спаў» («Бываюць хвілі...»).

Горек итог, к которому приходит лирический герой Я. Купалы, осознав бессилие человека перед смертью, все сокрушающей, уводящей его из мира земного в мир своих «владений»: «О смерць! Хто дзе цябе асіліў?» («На могілках»). В этом восклицании «О смерць!» – и ужас перед неотвратимостью смерти, и какое-то благоговение.

Мотивы одиночества, печали, разочарования, смерти – традиционные для лирики романтиков, они – в неразрывном единстве. Одиночество будто предполагает постановку проблемы смерти. Смерть в понимании лирических героев обоих поэтов – это и печальный итог жизни, и та черта, за которой – неизведанный, таинственный мир, это и один из путей выхода из жизненного тупика, в котором оказались лирические герои русского и белорусского поэтов. Думая о смерти, герои М.Ю. Лермонтова и Я. Купалы тем не менее не считают ее единственно возможным спасением от мук, разочарования. И это было оптимистичным, пусть еще в зародыше, началом их поэзии. Есть и другие пути (любовь, дружба, природа) преодолеть разлад личности и общества, личности и Мира вообще, считают герои русского и белорусского поэтов.

И в разработке темы любви в лирике М.Ю. Лермонтова и Я. Купалы наличествуют типологические схождения и различия.

В лирике М.Ю. Лермонтова довольно большое место занимают стихотворения о любви, которые он посвящал Анне Столыпной, Екатерине Сушковой, Варваре Лопухиной. У белорусского поэта есть автобиографические стихи о любви, посвященные Мирославе Сарнецкой, Лаздине Пелледе, Павлине Меделке, Владиславе Станкевичанке – женщинам, вдохновившим его написание удивительных творений.

В отношении любовной лирики русского и белорусского поэтов «уместно допустить мысль, что героиней таких стихотворений выступает не обязательно какая-нибудь реальная личность..., а скорее обобщенный образ любви-мечты» [11, 21].

Для лермонтовского героя женщина – неразгаданная тайна, потому выражение глаз, лица, ее улыбка – ключ, помогающий раскрыть эту тайну, узнать ее мысли, стремления. Героя особенно привлекают «божественные глаза» («Она поет – и звуки тают»), в которых – неземная загадочность, которые влекут к себе героя с неодолимой силой, поскольку в них, как в зеркале, «отражаются» и сам человек, и другие люди.

«Как небеса, твой взор блистает Эмалью голубой...» – опять же сравнение с небесами, в котором, однако, гораздо важнее, что «взор блистает Эмалью голубой» («Как небеса твой взор блистает...»). В предыдущем сравнении «небеса играют В ее божественных глазах» – взгляд, глаза полны жизни, ее неумолимого, быстрого течения; в глазах возлюбленной – надежда героя найти себя, стать нужным людям, обрести душевный покой. «Эмаль» же – нечто мертвое, от сравнения глаз с ней веет холодом, безразличием к судьбе лирического героя.

Я. Купала не дает конкретного портрета возлюбленной, выделяет какие-то детали, поразившие лирического героя, всколыхнувшие его душу. Я. Купала, как и Лермонтов, обращает внимание именно на глаза женщины: «Радасць біла з яе вочак...» («Дзяўчынка і вянок»).

Сколько любования, теплоты в обрисовке героини стихотворения «Мая дзяўчынка»! Герой не стремится к конкретности, произведение насыщено романтическими образами, глаза сравниваются с цветами, губы с малиной, щечки с розами. Но не внешностью поражен герой Купалы: «Сэрца... Ёсцюды за ім пойдзеш... Пекла, неба – ўсё там знойдзеш... («Мая дзяўчынка»)). Резко, контрастно – именно так, как это часто бывает у М.Ю. Лермонтова. «Пекла» – «неба» – полярные состояния души. «Пекла» у Я. Купалы, у Лермонтова – «жар души». У Купалы «неба», у Лермонтова – «Как небеса ,твой взор...».

Перемены настроения возлюбленной лирического героя Я. Купалы так стремительны, что он не может и уразуметь, откуда в крестьянской девушке такое богатство чувств.

И М.Ю. Лермонтов, и Я. Купала стремились заглянуть в самую «суть» человека. Что больше всего привлекает Лермонтова в женщине? Его идеал женщины совпадает с пушкинским. Сравним:

...все черты,
Так полны чувства, выраженья,
Так полны дивной простоты.
(«Она поет – и звуки тают...»)

Я помню чудное мгновенье:
Передо мной явилась ты,
Как мимолетное виденье,
Как гений чистой красоты.

(К*** («Я помню чудное мгновенье...»))

...все ее движенья,
Улыбки, речи и черты
Так полны жизни, вдохновенья,
Так полны чудной простоты.

(«Она не гордой красотою...»)

А.С. Пушкин ценит в женщине нравственную, «чистую красоту», она для него неземная, недоступная, любовь ее – самая большая награда в жизни.

Лермонтовский герой считает, что женщина не должна быть холодным, ко всему равнодушным, бесчувственным существом, ей должны быть присущи и радость, и чувство соперничества, и чувство раскаяния, причем ему мила неуловимость в смене этих ощущений и настроений. Глубокий смысл кроется в словах «дивная простота», слово «простота» довольно часто встречается в стихах о любви у Лермонтова. «Простота» вовсе не значит «обыкновенность», заурядность, у поэта это слово не принижает того высокого смысла, который он вкладывает в понятие «идеал» женщины. Женщина должна сочетать в себе неземное, таинственное, но она при этом не избавлена от слабостей и даже недостатков. Она не стремится их скрыть, завуалировать, не походит на тех светских красавиц, которых так презирал лирический герой, не кичится своими достоинствами, и только тогда ей и будет присуща та «дивная простота», которую он ищет в женщине. Все в ней должно быть наполнено глубоким смыслом, содержанием, иначе она потеряет свою прелесть: «Уста без слов – любить никто не мог; Взор без огня – без запаха цветов!» («Она была прекрасна, как мечта...»).

Есть удивительно схожие характеристики женщин у М.Ю. Лермонтова и у Я. Купалы:

у Лермонтова
Она поет – и звуки тают,
Как поцелуи на устах,
Глядит – и небеса играют
В ее божественных глазах...
(«Она поет – и звуки тают...»)

у Купалы
Ты пяеш – салавейка пяе,
Твар твой – сонца паглёд залаты,
Зоры светлыя – вочы твае,
Ты ўся – з неба анел святы.
(«Падыйдзі...»)

Похожи и любовные муки героев двух поэтов:

у Лермонтова
Без вас – хочу сказать вам много,
При вас – я слушать вас хочу:
Но молча вы смотрите строго,
И я, в смущении, молчу!

у Купалы
Ты не йдзеш – к табе думкай бягу,
Табой брэджу на яве і ў сне;
Прыйдзеш ты – гаварыць не магу...
(«Падыйдзі...»)

(«А.О. Смирновой»)

Женщина – тот спасительный луч, который выведет героя к свету, счастью. Лермонтовский и купаловский герои страдают от своего одиночества, от своей «ненужности» людям:

...всех моих надежд, и мук, и слез	Я адзін, мне так смутна! Нуда
Веселый миг тебе дороже!	Душу муча, сон гоне з павек,
Будь счастлива несчастьем моим	Ты ж – вясёлая, ты – малада,
И, услышав, что я страдаю,	З табой быў бы шчасліў чалавек.
Ты не томись раскаяньем пустым.	(«Падыдзі...»)
Прости! – вот все, что я желаю...	

(К*** («Всевышний произнес свой приговор...»))

Все чудно, прекрасно, неповторимо для лирического героя М.Ю. Лермонтова в женщине, пока не увлечет ее столь стремительная, на первый взгляд, а на самом деле праздная жизнь высшего света, пока не научит ее так же льстить, ловко лгать другим и прежде всего самой себе. Потому так ценит чистоту, простоту лирический герой русского поэта и понимает, что оставаться такой всю жизнь женщине или невозможно, или слишком трудно, ибо пагубное действие высшего света, разврата, цинизма, царящих в нем, сделают свое «черное» дело: убьют святое в человеке – его порядочность и честность.

В стихотворении М.Ю. Лермонтова «Отчего» содержится, казалось бы, парадокс: поэту «грустно... потому что весело» его возлюбленной. Но, если обратиться к начальным строкам стихотворения, можно убедиться в правоте поэта: за радость, «светлый день», «сладкое мгновение» его возлюбленной придется расплачиваться «слезами и тоской».

Купаловский лирический герой, как и лермонтовский, прекрасно понимает, что мир богатых, сильных мира сего бездушен, бесчестен, что в нем любовь покупается и продается. Так, в стихотворении «Не глядзі...» он рисует возлюбленной картину будущего, которое ждет ее. По мнению купаловского героя, оно безрадостно, хотя героиня будет женой пана, будет «смачна есць, доўга спаць, шапкі будзе знімаць перад табою народ». Лирического героя возмущает, что его подруга ради денег готова продать себя пану («Ты за грошы сябе прадасі панічу»), его тревожит, что «мала табе душы, сэрца майго». Он убежден в силе, неподкупности любви, чувство это не всякому доступно, и оттого, что любимая не понимает этого, стремится к роскоши, пренебрегая высокими чувствами другого человека, ему больно. Герой не может победить в себе страдания и закликает любимую оставить, не тревожить его, так как «...замучыш, загубіш навекі мяне!» («Не глядзі...»).

Таким образом, М.Ю. Лермонтов и Я. Купала разрабатывают один и тот же мотив безрадостного будущего, которое ожидает возлюбленную,

когда она вступит в мир «завистливый и душный» («Смерть Поэта»). Герои остро переживают это, ибо оба понимают любовь как высокое, прекрасное, доступное не каждому.

Любовь для лермонтовского героя – святое, чаще всего трагическое чувство. Чтобы резче подчеркнуть трагизм неудавшейся или неразделенной любви, поэт часто использует развернутые сравнения. В мире природы, как в зеркале, он видит отражение душевной борьбы, которую испытывает сам, одновременно это позволяет подчеркнуть и единство всего живого («Графине Растопчиной»).

Лирический герой Лермонтова не может понять тех, кто не верит в любовь, считая ее «Расстройством мозга иль виденьем сна», затрудняется определить это чувство, точно зная, что она ему «необходимость», «страсть сильнейшая», потому отдается этой страсти весь, без остатка. Свою любовь герой сравнивает с березой, рост, цветение, полнота жизни которой постепенно сменяются увяданием, но она тверда, не поддается ни бурям, ни вихрю: «Так лишь в разбитом сердце может страсть Иметь неограниченную власть» («1831-го июня 11 дня»).

Купаловский субъективный герой уносится мыслями в мир природы («Абніміся...»), вместе с возлюбленной перевоплощается в солнце, в звезды, в снег, в цветы... Эти мечты хоть как-то скрашивают жизнь «на свеці цярністым», потому полет его мысли непредсказуем, свеж своими красочными романтическими образами:

Ўночы сумнаю зоркаю глянем
На сады, на амшэлыя хаты;
Чары-сон навядзём заклінаннем,
Вышлем росы брыльянтныя ў сваты.

(«Абнімі...»)

Для М.Ю. Лермонтова стихотворения о любви – не только пылкое признание женщине в своем чувстве к ней, но и откровенный разговор о сокровенном и трудном в жизни. Так, стихотворение «Н.Ф. И...вой» («Любил с начала жизни я...») – своеобразный дневник, в котором не события, произошедшие с героем, а его скрытые ото всех думы, показ его душевного разлада, поиски причин своей неустроенности в жизни, желание понять других. Герой Лермонтова хочет, чтобы возлюбленная «примирила» его «С людьми и с буйными страстями». В стихотворении Я. Купалы «Да дзяўчынкi» – те же надежды героя на то, что любовь пробудит в нем интерес к жизни, поможет одержать победу над невзгодами: «Збудзі сэрца, збудзі, – хай навек не засне, Дабудзь песню з душы, разгані цемнату».

У М.Ю. Лермонтова возлюбленная не понимает лирического героя, далека от смятения его души, потому он чувствует себя еще несчастнее, не

соглашается с любимой, считая: «...ум мой не по пустякам К чему-то тайному стремился...» (Н.Ф. И...вой).

Лермонтовский герой, размышляя о любви, стремясь определить свое место в жизни, вовлекает возлюбленную в мир своих дум и страданий. Лермонтовский герой в то же время не верит в силу любви, в ее способность возродить человека к жизни:

Но тот, на ком лежит уныния печать,
Кто, юный, потерял лета златые,
Того не могут услаждать
Ни дружба, ни любовь...

(«К П.....ну»)

Купаловский герой уверен, что сила любви велика, что она может заставить человека радоваться окружающему миру («Да дзяўчынкі»). Однако белорусский поэт передает в этом стихотворении то же разочарование, то же страдание, ту же боль, которые встречаются и в лермонтовских стихах.

В отличие от М.Ю. Лермонтова белорусский поэт верит в возможность счастья, и единственный путь к нему – любовь, но любовь эта не просто взаимное чувство двух людей, а чувство, объединяющее этих людей в защиту человеческого достоинства. Его возлюбленная должна «Жыць, любіць і цяпець... За нявольны свой край, за свой змучаны люд!» («Да дзяўчынкі»).

Я. Купала доказывает, что именно любовь способна заставить героя увидеть беды народные и помочь своему краю. В этом и состоит ее великая сила.

Лермонтовский герой из своих наблюдений делает вывод:

Все, что любит меня, то погибнуть должно,
Иль, как я же, страдать до конца.

(Стансы («Мне любить до могилы творцом суждено...»))

В этой фразе – демонический мотив: герой, обреченный богом и судьбой на боль и страдания, не приносит никому счастья. Такой мотив встречается только у М.Ю. Лермонтова, в стихотворениях Купалы о любви подобного нет, ибо купаловский герой преодолевает безответное чувство, предательство возлюбленной единением с народом, мыслями о будущем родного края. Он не столь пессимистичен, как лермонтовский герой, справедливо полагая, что человек способен управлять обстоятельствами.

Купаловский герой, как и лермонтовский, – сильная натура: даже в страдании он велик, так как не просит милостыни, снисхождения, не вымаливает любви, а находит в себе силы отказываться от возлюбленной. Лирический субъективный герой белорусского поэта обещает не нарушать душевного покоя любимой, чувство его к ней велико и сильно. Встреча с девушкой в то время, когда «скаваў лёд Мне ўсе жаданні і парывы»

(«Сыйду...»), когда, казалось, ничто не может изменить спокойного, размеренного течения жизни, буквально всколыхнула его, пробудила лучшие чувства, вдохнула жизнь и тут же лишила надежды на взаимность. Радость любви и страдание от безответного чувства переплелись теснейшим образом. И тогда герой принимает решение уйти от возлюбленной, хотя сам страдает, – ситуация, знакомая М.Ю. Лермонтову: «Я несчастлив пусть буду – несчастлив один» (Стансы («Мне любить до могилы творцом суждено...»)).

В понимании лермонтовского героя любовь – бескорыстие: не претендуя на ответное чувство, он не винит возлюбленную, не ищет в ней пороков, существующих или несуществующих, а, наоборот, оправдывает ее, убеждая, что она не должна мучиться сомнениями относительно правильности своего поступка. Нужно обладать необыкновенной силой воли, выдержкой, способностью к самопожертвованию, чтобы вот так, безо всякого намека на позерство, суметь подняться над своей обидой, простить любимой измену и пожелать ей счастья (К* («Прости! – мы не встретимся боле...»)).

Годы не прошли бесследно для лермонтовского героя и его возлюбленной. Исчезли восторженность, радость жизни, огонь в глазах, волнение в душе, и во всем этом герой винит «жизни тяготенья» (К*** («Мы снова встретились с тобой...»)).

С душевным трепетом возвращается лирический герой воспоминаниями в юношеские годы, когда, мечтая о любви, в воображении создал возлюбленную с холодным, как лед, ликом, чуждыми глазами. Он полюбил мечту такой преданной, искренней любовью, которую потом не испытывал и, как предполагает, не сможет испытать ни к кому другому («Первая любовь»).

Любовь лирического героя М.Ю. Лермонтова бескорыстна, для него слово «женщина» свято, он хочет видеть свою возлюбленную только счастливой: «Не погублю святое счастье Такой души...»; герой готов принести ей в жертву даже свою жизнь в надежде услышать только «ласковое слово» (К* («Оставь напрасные заботы...»)) той, которую так безответно любит.

Субъективный лирический герой купаловского стихотворения «На адвiтанне» оказался выше мести, проклятий в адрес той, которая не смогла оценить силу его любви, не ответила ему взаимностью. Насколько велико чувство, щедра душа, искренни порывы, говорит то, что герой желает возлюбленной счастья, которое нелегко встретить в этой жизни. Он советует ей сохранить чувство гордости, собственного достоинства, так как, потеряв это, «тады ўжо не жыць лепш».

Лермонтовский герой ценит духовный мир, нравственный облик женщины: богатство души не заменит никакая красота. Герой Я. Купалы тоже ставит превыше всего внутренний мир женщины, хотя внешняя красота любимой, принося радость удивления ей, ему тоже приятна.

Для героя М.Ю. Лермонтова возлюбленная – друг, которому можно «открыться», с которым можно поделиться сокровенными мыслями, и тем более узнать о ее холодности, равнодушии. Купаловский лирический субъективный герой также «исповедуется» своей возлюбленной, поверяя свои думы.

Размышляя о любви, лермонтовский герой не забывает и тех, кто его окружает, считает, что любовь может помочь преодолеть одиночество, если любимая разделяет душевные муки, терзающие ее друга.

Для героя Купалы женщина не только объект любви, поклонения, обожания, она его товарищ по борьбе за лучшую долю народную, что отражает социальную мотивацию любовной лирики белорусского художника слова.

Мир богатых и чистота, красота любви – несовместимые понятия у белорусского поэта. М.Ю. Лермонтов и Я. Купала доказывают: любовь не может стать предметом купли-продажи, ею нельзя спекулировать.

Лермонтовский и купаловский герои благородны в любви, они не обвиняют возлюбленных, если те не отвечают взаимностью. Желая счастья любимой женщине, они находят в себе силы отказаться от нее, но любовь продолжает жить в их сердцах. Любовь русский и белорусский поэты понимают и принимают как награду судьбы. Женщина – тайна, божество, в ней герои видят милующее и карающее начала. И русский, и белорусский поэты понимали это чувство как отражение трагического в жизни.

Мир природы, соединяя полюса оппозиции «человек – мир», также помогает предельно обнажить переживания героев лирики М.Ю. Лермонтова и Я. Купалы. Он у них – не столько живопись, сколько средство, как и у всех романтиков: «Как бы реальны ни были картины природы, цель поэта-романтика состоит не в изобразительности, не в живописности, а в выражении своего отношения, своего чувства природы, ее восприятия под определенным, важным для общей мысли углом зрения» [32, 133]. Это утверждение одинаково убедительно как в отношении лермонтовского, так и купаловского пейзажа. Но это общее не лишает творческой индивидуальности поэтов.

Типологическое сходство в разработке мотива природы у русского и белорусского поэтов заключается в следующем: у М.Ю. Лермонтова и Я. Купалы природа не существовала в отрыве от человека, была связана с ним крепчайшими нитями.

Так, М.Ю. Лермонтов открывает в природе удивительное, скрытое от равнодушного, стороннего взгляда, находит в ней те же страсти – боль разлуки, страдания любви, которые характерны для мира людей («На севере диком стоит одиноко...», «Дубовый листок оторвался от ветки родимой...», «Утес»). И потому понятно стремление лирического героя Лермонтова слиться с миром природы, обрести душевное равновесие.

Демоническая сила грозы, внушающая страх неуправляемостью, не пугает лирического героя М.Ю. Лермонтова. Так, уже в стихотворении «Гроза» герой становится властелином природы, но разжечь в его душе трепетный огонь радости жизни гроза не в силах:

О нет! – летай, огонь воздушный,
Свистите, ветры, над головой;
Я здесь, холодный, равнодушный,
И трепет не знаком со мной.

(«Гроза»)

Вечером летняя природа приобретает в лирике М.Ю. Лермонтова неуловимые, таинственные оттенки. Стихотворение «Вечер после дождя» – удивительно живописная картина, созданная благодаря точному подбору слов, передающих едва заметное движение в природе: «вода блистаючи дрожит», «стебли омоченных трав», «прощальный луч... Блестит, горит...».

Немалое место в пейзажной лирике русского классика занимает природа Кавказа. «Утро на Кавказе» – это описание восхода солнца, зарождения нового дня, когда горы окутаны пеленой тумана, кругом – тишина, слышно лишь журчание реки, царят спокойствие и гармония.

Янка Купала, как и М.Ю. Лермонтов, одухотворяет природу. «Зялёная дубрава» – романтический образ белорусского поэта, который сродни таким образам, как «пушча», «бор», «лес разгуканы». Этому образу свойственно оптимистическое начало: не просто пора расцвета, но и точка наивысшей жизнеутверждающей силы.

Колоритен образ «сяўбы», получивший социальное звучание. «Сяўба» – начало долгой работы, которая завершается радостным событием – сбором урожая. «Сяўба» в другом, социальном, плане – начало трудной борьбы.

Купаловскому субъективному герою ставить и решать проблемы равенства, свободы помогают и природные силы, явления, передающие и воплотившие масштабный характер событий, что позволяет говорить не только о жизни одного села, но и о жизни народа, края, отчизны.

Описание осеннего солнца у Лермонтова («Солнце осени») поражает точным подбором эпитетов, их эмоциональной насыщенностью. Осеннее солнце ассоциируется с «тайной грустью Обманутой любви», бросает «бледный, мертвый луч» на деревья, на степь, но «природа И все, что может чувствовать и видеть, Не могут быть согреты им...». Так и сердце героя, не понятое однажды людьми, не хочет подвергать вторично «себя насмешкам и словам сомненья».

Для купаловского «суммарного» героя осень – не только возможность созерцать увядающую природу, она прежде всего подводит неутешительные итоги его тяжелого труда:

Працаваў ты, працаваў
Круглы год,
Разліваў ты, разліваў
Кроў і пот...

(«Прыйшла восень...»)

А в результате – пустые закрома и нечем кормить семью.

Осень, считает герой Купалы (в чем он близок лермонтовскому), несет с собой кратковременную яркость красок и вместе с тем опустошение, чувство одиночества, грусти. Состояние природы в эту пору года сродни душевному настроению героя, не скрывающего горечи, боли от того, что «Моладасць, вясёласць не жылі са мною...» («З асенніх напеваў»).

Зимний пейзаж представлен у М.Ю. Лермонтова в стихотворениях «Прекрасны вы, поля земли родной...», «Метель шумит, и снег валит». «Снег летучий серебристый» – чистота в высоком понимании этого слова, но снег «Не веселит... сердца» героя, так как слишком совершенен «для страны порочной» («Прекрасны вы, поля земли родной...»). Наблюдая за миром природы, герой ни на минуту не забывает о противоречиях современного ему мира.

«Дальний звон», слышимый сквозь завывание и шум метели, «пугает сердце» лирического героя Лермонтова, вызывает страх тем, что

...возвещает он для нас
Конец земных недолгих мук,
Но чаще новых первый час...

(«Метель шумит, и снег валит»)

Зимнее солнце не вселяет в сердце героя надежды, за ним неотступно следует печаль, а «серые тучи» подобны безрадостным, тусклым дням его жизни. Лермонтовский герой сравнивает солнце с возлюбленной, взор которой, «счастье обещая», «не оживит» «душу» («Солнце»). Зима жизни «замораживает» все чувства, кладет печать уныния и тоски, и добрые силы (солнце) беспомощны в этом противостоянии.

Когда наступает зима, все замирает, окружающий мир теряет свою привлекательность и обаяние: снег не только скрывает богатую растительность, но и сковывает в своих морозных тисках все живое. Янка Купала говорит о пробуждении в это время сил, враждебных человеку: снега, мороза, волков. Однако силы эти не вечны, и зиме придет конец: ее сменит надежда – весна, пытающаяся утвердить свою силу, торжествующая победу:

Цярпі, старонка родная,

Мучэнне пі да дна, –
 Міне зіма нягодная
 І ўскрэсне зноў вясна.

(«Зіма»)

Весной все преобразается, меняется до неузнаваемости. М.Ю. Лермонтов описывает весну не в пору ее расцвета, а в момент пробуждения после зимнего сна:

Когда весной разбитый лед
 Рекой взволнованной идет,
 Когда среди полей местами
 Чернеет голая земля,
 И мгла ложится облаками
 На полуиюные поля...

(«Весна»)

Время, когда «природа молодеет», не радует лирического героя М.Ю. Лермонтова: у него совсем иное настроение. Контраст между зарождением новой жизни природы и безрадостным существованием человека помогает еще резче оттенить драму жизни. Казалось бы, в душе должно наступить просветленье, но нет – «мечтанье злое грусть лелеет» («Весна»).

Для Я. Купалы, как и для Лермонтова, весна – пора обновления не только природы, но и человека. У белорусского поэта иногда появляется надежда на перемены к лучшему («Вясенняя раніца», «Засвяціла цяпло», «Вясна» и др.). Сколько радости принесла весна, «разбудзіла ўвесь свет ад зімовага сну»: «Вясна холад змагла, вясна свет ажывіла, З вясной меней на свеце і смутку, і слёз» («Засвяціла цяпло...»)!

Все люди тянутся к теплу, горят желанием работать. Но не только в этом заслуга весны, она и «ахвоціць» «да праўды святой, Невясёлыя думы і сны разганяе, – Аж так хочацца жыць усяёю душой!» («Засвяціла цяпло...»), вселяет в душу надежду, что развеется горе.

В стихотворении «Ідзе вясна» поэт с иронией замечает, что весна идет, «каб быццам свет збудзіці сонны», но это не так: обновление, которое она с собой несет, кратко, она только на время украсит лес и сад.

Лирический субъективный герой Я. Купалы с сожалением констатирует быстротечность жизни, его мысли подобны суждениям лермонтовского лирического героя: «А годы проходят – все лучшие годы!» («И скучно и грустно»). Он с горечью восклицает:

Ўсё тую ж песню адшчабеча салавейка,
 Малітву адгалосіць сонейку жалейка...
 Ах, пражывеш ты, чалавеча, не напасне: –
 Яшчэ адна вясна ў душы навек загасне.

(«Ідзе вясна»)

Обращение к миру природы в пору ее пробуждения, ликования, принцип контраста, положенный в основу композиции стихотворения «Думкі перад вясной», позволяют Я. Купале резче оттенить тоску героя, он, как и герой М.Ю. Лермонтова, ищет счастья, ждет его, зовет, но безрезультатно. Купаловский герой в этом стихотворении стоит, подобно лермонтовскому, как бы в стороне от людей: весна – пора надежд, ему же она ничего радостного не несет. И все-таки есть у белорусского поэта стихи, в которых весна вносит в жизнь свежую струю, наполняя мир ярким светом, разноцветьем, раздвигая его рамки, делая его насыщенным новыми событиями и впечатлениями.

Лето дает заряд бодрости, потому купаловский герой очарован превращениями, происходящими благодаря всеподчиняющей силе природы. Он верит, что лето внесет и в его жизнь ощутимые изменения к лучшему:

Дай жа, лета, мне веру магучую,
Што калісь сваю долю знайду,
Дай мне песні пець сілу жывучую,
Дай працівіцца крыўдзе і злу!

(«Лета»)

Лето («Лета») несет заряд оптимизма в отличие от надежды, которую дарит весна. «Гарачым, бурным» летом все радует глаз лирического героя: шум дубравы, бурливая речка, песни жаворонков, «зьялены дыван» ржи. Если у Лермонтова «и звезда с звездой говорит» («Выхожу один я на дорогу...»), то у Купалы не менее запоминающийся и колоритный образ: «Колас з коласам гутарку дзіўную Завялі, бы на хмары злуюць...».

В стихотворении «Засвяціла цяпло...» от народных примет, народных традиций берет свое начало иносказание о святой воде, способной уничтожить зло, нечистую силу, когда солнце весны побеждает снег и мороз.

Мороз («Зіма») приобретает характер социального, общественного звучания: поэт сравнивает его со стражником («кат бязжаласны»). Он несет смерть, разрушение, холод, страх, подобен силам социального зла, мучения, от которых «Няма жыцця, няма!».

Приход осени в жизни крестьянина традиционно ассоциируется с уборкой урожая. Стихотворение «Прыйшла восень...» наполнено реалиями, деталями деревенской жизни («торпы ў таку», «акалота ў кутку», «копка грэчкі і аўса» и др.).

Название стихотворения «З асенніх напеваў» определяет его жанровую специфику – лирическую исповедь героя, в которой предстают две поры года, взаимно отражающиеся в своей противоположности: осень –

весна. Осень закономерно пробуждает воспоминания о весне, ставшей воплощением «моладасці, вясёласці», песен.

Я. Купала наполняет свои пейзажи частностями, национальным детальным иносказанием.

Стихотворение «На склоне лета» – плач белорусского поэта по уходящему лету, полному красок, веселья, птичьего звона. Уход лета будто открывает двери ненастью, непогоде, безрадостной жизни:

Была вясна, і ўсё на свеце
 Жыло, цвіло – і вось не стала...
 Няма вясны, заплач па леце;
 Нуда ва ўсім запанавала.

Для русского и белорусского поэтов природа и человек неразделимы, однако М.Ю. Лермонтову важнее сама борьба, а не ее исход. Я. Купала же связывает природу с трудовой деятельностью «суммарного» героя. Кроме того, как справедливо замечает В.И. Гапова, «в дореволюционной лирике Купалы природа меньше всего была объектом эстетического любования со стороны, она не воспринималась в отвлечении, всегда являлась частью жизни лирического героя. Пейзаж в большинстве случаев окрашен общим настроением неудовлетворенности, поэт даже сгущает пейзажные краски, чтобы утвердить мысль о разладе с действительностью, о необходимости перемен» [16, 101, 102].

И русский, и белорусский поэты, выражая свое неприятие мира богатых, его морали, искали то дорогое, близкое сердцу, что могло бы придать жизни очарование, сделать ее интересной. Они создали удивительные по тональности, по эмоциональной насыщенности стихотворения с одинаковым названием «Мой дом». Мотив дома завершает поиски художников в сфере оппозиции «мир – человек».

Космизм, беспредельность, необозримость – вот что характерно для «дома» лирического героя М.Ю. Лермонтова. Поэт обрисовывает контуры дома (крыша, стены), но они относительно и неустойчивы: дом – весь мир, вселенная, дом, который для него «не тесен». Его населяют не бездушные предметы и существа, а «все, в чем есть искра жизни», все, что чувствует, «болеет» и «болит», потому неслучайными являются следующие строки:

До самых звезд он (дом. – С.Т.) кровлей достигает,
 И от одной стены к другой
 Далекий путь, который измеряет
 Жилец не взором, но душой.

(«Мой дом»)

Все, что окружает человека, «жильца», хозяина его, все, с чем он сталкивается, все, что происходит в доме, должно быть им прочувствовано, пережито, «пропущено» через его душу. Стихотворение

М.Ю. Лермонтова «Мой дом», безусловно, философское по своей мысли, по тем глубоким выводам, к которым приходит поэт. Такие номинации, как «ложь», «правда», «честь» и т.д. ясны, но поэт говорит и о «чувстве правды», т.е. способности человека судить о мире; это внутренняя позиция личности, выработанная на протяжении долгого жизненного опыта, а не просто кратковременный акт, поступок. Это чувство определяет жизнь человека, отношение к другим людям, позволяет заглянуть в будущее, познать настоящее, так как взгляд его на вещи лишен разного рода косностей, преувеличений: «Пространство без границ, течение века Объемлет в краткий миг оно».

Дом, который герой называет «прекрасным», создан «всемогущим» для чувства правды, для людей, живущих по принципам, отличающимся от тех, что царят в современном герою мире. Люди в этом доме отмечают все ложное, пустое, провозглашают честное, правдивое, вечное. Героя не смущает такой факт: «И осужден страдать я долго в нем, И в нем лишь буду я спокоен».

Номинация «страдание», «покой» кажутся несовместимыми, а у Лермонтова они неразделимы; его герой готов принять страдание в этом доме, так как оно, как это ни парадоксально, принесет ему и покой.

Совсем иная картина предстает в стихотворении Я. Купалы «Мой дом». Границы дома поэт раздвигает до космических размеров: «Мой дом – приволле звёздной далі»; границы простираются до высот, где царствуют «ветраў хвалі», «калматыя хмары». Купаловский «дом» – природа близкого ему родного края: «амшалай пушчы сховы», «Сяліба ясеняў, сасон». Эти пейзажи до боли знакомы лирическому герою, и в то же время на них лежит покров таинственности, неразгаданности, сказочности. Эту таинственность создают образы, взятые из народной мифологии: «смех русалчын, лесуновы Палошыць вечна-цяглы сон».

Поэт не забывает и о тех, кто трудится на этой земле, чей труд непосилен, что подтверждается определением «чырвоны пот». И, наконец, дом дорог герою еще и тем, что здесь жили его предки, что с этой землей у него вечная связь, и ничто не сможет разорвать ее.

На первый взгляд может показаться, что стихотворение «Мой дом» Я. Купалы ничего общего не имеет со стихотворением М.Ю. Лермонтова «Мой дом». Г. Березкин же убедительно доказывает, что в стихотворении Купалы наличествует «переключка идей, взятых в самой общей форме» [8, 113], произведения Лермонтова «Мой дом» и стихотворных строк Байрона: «Везде, где ветер, где волны кругом, – держава наша, наш свободный дом!». По сути, это центр их романтической эстетики, романтического космизма.

Дом как архетип соединяет полюса оппозиции «человек – мир». Но этот «дом» принадлежит романтическому искусству, ибо он не настоящее, а желаемое будущее, идеальное представление о нем.

Преодоление душевного разлада, разрыва мечты и действительности, попытка найти силу, способную «привязать» к жизни, приводит лирических героев М.Ю. Лермонтова и Я. Купалы и к миру любви, и к миру природы. Природа – это своеобразный «рай», в котором все гармонично, красиво, много цвета, света, особенно если речь идет о весне и лете. В то же время русский и белорусский поэты понимают, что и в природе не всегда царят согласие и покой, ибо она – как зеркало – отражает бури противоречий, происходящие, бушующие в обществе людей. Природа со своей цикличностью, сменой времен года, красок – это вместе с тем цепь жизненных поворотов, коллизий в судьбе личности.

Итак, мотивы грусти, тоски, одиночества, разочарования, темы любви, природы (с их конкретизирующими и развивающимися началами) – все они в лирике М.Ю. Лермонтова и Я. Купалы помогают «высветить» ее романтический характер, ее космический размах, беспредельность, свободолюбие. Поэты не просто следовали традиции предшествующих поэтов-романтиков (Байрон, Пушкин, декабристы), они значительно обогатили эти мотивы, привнесли в них много новаторского. Позитивным является и то, что некоторые микромотивы (особенно «попились мои слезы...», «...печально я гляжу...») в лирике Купалы своеобразно трансформировались, приобрели несколько иное звучание, обогатились новыми красками.

Романтическое двоемирие, проецируясь на плоскости оппозиций «вселенское – земное» («бытие – быт»), «мечта – действительность», «поэт – мир» в лирике Лермонтова и Купалы, определяет разлад лирического героя с миром и с самим собой, богатство его натуры, актуализирует интерес героя к непреходящим ценностям.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Фр. Шлегель, основоположник немецкой романтической теории, указывал, что «поэзия наций, как и сами они, едина в своих истоках». Такая позиция основана на его предположении, что глубокое изучение древнейшей поэзии отдельных наций позволяет выявить «черты, общие всем нациям» [71, 329].

В.Г. Белинский утверждал, что Лермонтов в своем творчестве отразил определенный исторический момент развития русского общества: «век сознания, философствующего духа, размышления, «рефлексии» [5, 518]. Лирический герой М.Ю. Лермонтова, отвергая современную ему действительность, мечтает о совершенном, высоконравственном обществе, где все будут равноправными членами его, он уверен: справедливость воцарится в России, но когда это произойдет – не знает. Лермонтов создает возвышенный, истинно романтический идеал будущего России, который зиждется на представлениях поэта о нравственном «перерождении» личности, ее усовершенствовании. Только нравственные личности, по мнению лермонтовского героя, и создадут обновленное общество, в котором не будет места присущим современности поэта порокам: лицемерию, лжи, алчности и др. Герой Лермонтова связывает также приход лучшего будущего с уничтожением самодержавия («Предсказание»), однако мысль эта не получает дальнейшего развития в его лирических рассуждениях. Позитивным является и то, что будущее русский поэт связывает с народом, возлагая на него большие надежды.

Купаловский лирический герой живет в иное время, он ясно видит перспективы развития общественного устройства отчизны, не просто мечтает о лучшей доле своего народа – он уверен, что народ будет свободным; его вера основана на убеждении, что силы народа неисчерпаемы, что он способен изменить существующий порядок вещей.

Романтизм Янки Купалы – логическое продолжение романтизма Байрона, Лермонтова, так как это романтизм не только отвергающий, борющийся, отрицающий, но прежде всего – созидающий, изначально проповедующий, отстаивающий нравственные принципы, эволюционирует к углубленному мировосприятию, срастаясь с идеей национально-возрожденческой. Патриотизм М.Ю. Лермонтова – гражданственный патриотизм народа-победителя в Отечественной войне 1812 года. И вместе с тем у русского поэта это «странная любовь», ибо это чувство к тому, что любить не должно: к русскому мужику-рабу, народу, поработенному царизмом, угнетенному. Но это угнетение – социальное. Купала – певец не только народного горя, порожденного социальным неравенством, он выступает и против духовного рабства. Как певец национального освобожде-

ния, он не идентичен типологически М.Ю. Лермонтову. Купаловский патриотизм – это патриотизм угнетенной нации, возрождающегося народа. Отсюда – оптимистичность, перспективность купаловского патриотизма. Он – не «странный», не тоскующий, без «мук любви», как в целом у Лермонтова, потому что его основной пафос – в вере и уверенности, хотя лермонтовская тоска в нем тоже есть.

В белорусской поэзии дореформенной и послереформенной поры, которая была прежде всего поэзией о мужике, его труде, нуждах, каждодневном унижении, лирический герой – «двойник» поэта, выразитель интересов народа, апеллируя к разуму мужика, стремился, как и впоследствии купаловский субъективный герой, пробудить в нем человеческое достоинство. Одной из заслуг белорусской поэзии этой поры было и то, что она искала «выход» в Пространство, Мир, Время, что, в свою очередь, помогало расширить границы постигаемого, увидеть в судьбе крестьянина, его страданиях общечеловеческое, воспринять его как боль Мира вообще.

Романтический дуализм, как принцип творчества, этическая и эстетически-ценностная категория, актуализировал в лирике русского и белорусского классиков универсальные оппозиции (вселенское – земное, мечта – действительность, мир – личность), наполнил глубоким содержанием традиционные темы и мотивы: поэта и поэзии, родины, грусти, одиночества, разочарования, любви, природы, славы, вины, суда и др., вызвал к жизни микромотивы («печально я гляжу...», «не плачь...» и др.), придал новое звучание номинациям «Душа», «Время», «Пространство», «Судьба» и др.

Лирика М.Ю. Лермонтова и Янки Купалы носит философский характер, она – не просто «погружение» в мир человеческих чувств, переживаний, эмоций, а попытка отыскать в нем ответы на мучительные вопросы современности и бытия вообще. Купала, как и Лермонтов, писал о вечном, непреходящем, стремился к обобщению, в частном видел общее, свойственное не только конкретному человеку, но и поколению, времени в целом. Белорусский поэт, как и русский, в своей лирике представил богатую одаренную личность, отстаивающую высокие нравственные принципы. Важно и то, что Купала показал духовный рост «суммарного» героя, мужика, стремящегося не только познать мир, но и объяснить процессы, происходящие в нем.

М.Ю. Лермонтов и Я. Купала едины в самом главном: безусловно, человек – вершитель своей судьбы. Причем Я. Купала развивает и углубляет этот постулат, утверждая, что человек способен решать проблемы национальные и общечеловеческие.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1 Актуальные вопросы современного литературоведения. Литературоведение : Мат-лы, метод. рекомендации для общ. и спец. курсов / Сост. : Н. И. Дубина и др. – Киев, 1989. – 138 с.

2 Аникст А. Джон Мильтон и его поэма «Потерянный Рай» // Мильтон Джон. Потерянный Рай: Пер. с англ. – М., 1982. – С. 11–12.

3 Багдановіч, М. Одинокі // Збор твораў : У 2 т. – Мінск, 1968. – Т. 2. – С. 158–162.

4 Белинский В.Г. Разделение поэзии на роды и виды // В.Г. Белинский Полн.собр.соч.: В 13 т. – М., 1954. – Т. 5. – С. 7–67.

5 Белинский В.Г. Стихотворения М. Лермонтова. 1840 // В.Г. Белинский Полн.собр.соч.: В 13 т. – М., 1954. – Т. 4. – С. 479–547.

6 Березкин Г. Звенья: Творч. индивидуальность и взаимодействие лит.: Пер. с бел. – М., 1984. – 375 с.

7 Березкин Г. Купала и Пушкин // Неман. – 1975. – № 9. – С. 167–182.

8 Березкин Г. Мир Купалы. Мысли и наблюдения. – М., 1973. – 312 с.

9 Березнева А.Н. Преемственные связи в русской поэзии (М.Ю. Лермонтов и Н.А. Некрасов): Учеб.-метод. пособие для подгот. отделений вузов. – Саратов, 1994. – 67 с.

10 Берковский Н.Я. Романтизм в Германии. – Л., 1973.

11 Бесчеревных Ю.С. Виноградова И.К. Нравственный идеал в любовной лирике М.Ю. Лермонтова // М.Ю. Лермонтов. Проблемы идеала: Межвуз. сб. научн. тр. / Под ред. И.П. Щерблыкина. – Куйбышев– Пенза, 1989. – С. 21.

12 Бушмин А.С. Методологические вопросы литературоведческих исследований. – Л., 1969. – 228 с.

13 Бушмин А.С. Преемственность в развитии литературы. – 2-е изд., доп. – Л., 1978. – 223 с.

14 Бярозкін Р. Купала, Багдановіч, руская паэзія // Польшыя. – 1972. – № 2. – С. 169–191.

15 Ванслов В.В. Эстетика романтизма. – М., 1966. – 404 с.

16 Гапова В.И. Белорусско-русское поэтическое взаимодействие. – Мн., 1979. – 158 с.

17 Гегель В.Ф. Лекции по эстетике // Гегель В.Ф. Сочинения. – М., 1958. – Т. 14, кн. 3. – С. 5–440.

18 Гегель В.Ф. Эстетика: В 4-х т. – М., 1971. – Т. 3. – 621 с.

19 Герцен А.И. Литература и общественное мнение после 14 декабря 1825 года // Герцен А.И. Собр. соч.: В 30 т. – М., 1956. – Т. 7. – С. 209–230.

- 20 Гинзбург Л.Я. О лирике. – 2-е изд., доп. – Л., 1974. – 407 с.
- 21 Гинзбург Л.Я. О лирике. – М.–Л., 1964. – С. 163.
- 22 Гніламёдаў У.В. Янка Купала: Жыццё і творчасць. – Мн., 2002. – 237 с.
- 23 Григорьян К.Н. Лермонтов и романтизм. – М.–Л., 1964. – 300 с.
- 24 Гусяров Е.Н., Карпухин О.И. Лермонтов в жизни: Систематизир. свод подлин. свидетельств современников. – Калининград, 1998. – 404 с.
- 25 Добролюбов Н.А. О степени участия народности в развитии русской литературы // Добролюбов Н.А. Собр. соч.: В 9 т. – М.–Л., 1962. – Т. 2. – С. 218–272.
- 26 Дрозд С. Адам Міцкевіч і Янка Купала: духоўнае пабрацімства. – Гродна, 1998. – 141 с.
- 27 Жирмунский В.М. Эпическое творчество славянских народов и проблемы сравнительного изучения эпоса // Исследования по славянскому литературоведению и фольклористике. – М., 1960. – С. 252–284.
- 28 К истории русского романтизма: Сб. статей. – М., 1973.
- 29 Канунова Ф.З. Нравственно-эстетические искания русского романтизма и религия (1820–1840 годы). – Новосибирск, 2001. – 302 с.
- 30 Клімковіч М. Аб жыватворным уплыве рускай літаратуры на беларускую літаратуру. – Мн., 1955. – 184 с.
- 31 Конрад Н.И. Запад и Восток. – 2-е изд., испр., доп. – М., 1972. – 496 с.
- 32 Коровин В.И. Творческий путь М.Ю. Лермонтова. – М., 1973. – 288 с.
- 33 Купала Янка. З аўтабіяграфічных матэрыялаў // Польша. – 1946. – № 6. – С. 122–129.
- 34 Купала Янка. Збор твораў: У 7 т. – Мн., 1972–1976.
- 35 Ларчанка М.Г. Горкі і беларуская літаратура: Стэнаграма лекцыі. – Мн., 1951. – 23 с.
- 36 Ларчанка М.Г. Сувязі беларускай літаратуры з літаратурамі суседніх славянскіх народаў у другой палове XIX ст. – Мн., 1958. – 112 с.
- 37 Лермонтов М.Ю. Соч.: В 6 т. – М.–Л., 1954–1957.
- 38 Лермонтовская энциклопедия / Гл. ред. В.А. Мануйлов. – М., 1981. – 784 с.
- 39 Лиокумович Т.Б. Янка Купала и русская литература: Многогранность творческих взаимосвязей. – Ч. 1. Творчество Янки Купалы 1905–1917 годов и русская литература. – Брест, 1996. – 132 с.
- 40 Лойка А.А. Адам Міцкевіч і беларуская літаратура. – Мн., 1959. – 135 с.
- 41 Лойка А.А. Беларуская паэзія пачатку XX ст.: Некаторыя заканамернасці і асаблівасці. – Мн., 1972. – 240 с.

- 42 Лойко О.А. Янка Купала. – М., 1982. – 351 с.
- 43 М.Ю. Лермонтов. Проблемы идеала: Межвуз. сб. научн. тр. / Под ред. И.П. Щерблыкина. – Куйбышев–Пенза, 1989. – 170 с.
- 44 Маймин Е.А. О русском романтизме. – М., 1975. – 239 с.
- 45 Макогоненко Г.П. Лермонтов и Пушкин: Пробл. преемств., развития лит. – Л.: Сов. писатель, 1987. – 400 с.
- 46 Максимовіч В.А. Паэтычная міфатворчасць Янкі Купалы пачатку ХХ стагоддзя. – Мн., 1998. – 97 с.
- 47 Мальдис А.И. Формирование новой белорусской литературы в ее взаимосвязях с другими славянскими литературами (XVII–XIX вв.) // Славянские литературы в процессе становления и развития: Сб. ст. АН СССР; Отв. ред. А.В. Липатов. – М., 1987. – С. 121–144.
- 48 Милюгина Е.Г. Своеобразие романтического дуализма // Романтизм: грани и судьбы / Науч. ред. И.В. Карташова. – С. 24–31.
- 49 Михаил Лермонтов, 1814–1989: [Норвич. симпоз., посвящ. 175-летию со дня рождения] / Под ред. Е. Эткинда. – Нортфилд, 1992. – 187 с.
- 50 Мищенчук Н.И. Русская и белорусская литературы XIX–XX столетий: жанрово-стилевой аспект, вопросы взаимодействия [Текст]: монография. – Брест, 2005. – 163 с.
- 51 Навуменка І.Я. Янка Купала. Духоўны воблік героя. – Мінск, 1967. – 220 с.
- 52 Николюкин А.Н. Американский романтизм и современность. – М., 1968.
- 53 Неупокоева И.Г. Революционно-романтическая поэма первой половины XIX в. – М., 1971.
- 54 Позов А. Метафизика Лермонтова. – Мадрид, 1975. – 202 с.
- 55 Проблемы романтизма. – М., 1971, вып. 2.
- 56 Пушкин А.С. Собр. соч.: В 10 т. – Т. 2. – С. 315.
- 57 Ранние романтические веяния: К истории международных связей русской литературы. – Л., 1971.
- 58 Романтизм в славянских литературах. – М., 1973.
- 59 Романтизм: грани и судьбы: Ученые записки Научно-исследовательской лаборатории комплексного изучения проблем романтизма Тверского государственного ун-та: Вып. 1–2. – Тверь, 1998, 1999.
- 60 Русский романтизм / Под ред. проф. Н.А. Гуляева. – М., 1974.
- 61 Санюк Дз.К. Эстэтыка творчасці Янкі Купалы. – Мн., 2000. – 211 с.
- 62 Семченко А.Д., Фролов П.А. Мгновения и вечность: К истокам творчества М.Ю. Лермонтова. – Саратов–Пенза, 1982. – 183 с.
- 63 Смолкін М. «Прарок» Я. Купалы // Літ. і маст. – 1941. – 4 студз.

64 Теория литературы: Учеб. пособие для студ. филол. фак. высш. учеб. заведений: В 2 т. / Под ред. Н.Д. Тмарченко. – Т. 1: Н.Д. Тмарченко, В.И. Тюпа, С.Н. Бройтман. – М., 2004. – 512 с.

65 Тимофеев Л.И. Становление лирического героя в творчестве раннего Маяковского // Лит. в школе. – 1963. – № 3. – С. 19–28.

66 Уманская М.М. Лермонтов и романтизм его времени. – Ярославль, 1971. – 304 с.

67 Хализев В.Е. Теория литературы: Учебник / В.Е. Хализев. – 3-е изд., испр. и доп. – М., 2002. – 437 с.

68 Ходанен Л.А. Поэмы М.Ю. Лермонтова. Поэтика и фольклорно-мифологические традиции: Учеб. пособие / Кемер. гос. ун-т. – Кемерово, 1990. – 91 с.

69 Храпченко М.Б. Пути историко-литературных исследований // Храпченко М.Б. Собр. соч.: В 4-х т. – М., 1982. – Т. 4. – С. 384–397.

70 Чекалин С.В. Лермонтов: Знакомьсь с биографией поэта... – М., 1991. – 249 с.

71 Шлегель Ф. Эстетика. Философия. Критика: В 2-х т. – М., 1983. – Т. 2.

72 Щерблыкин И.П. Лермонтов. Жизнь и творчество. – Саратов–Пенза, 1990. – С. 163–164.

73 Щеголев П.Е. Лермонтов: Воспоминания. Письма. Дневники. – М., 1999. – 525 с.

74 Эйхенбаум Б.М. Литературная позиция Лермонтова // Лит. наследство. – 1941. – Т. 43–44. – С. 3–82.

75 Юсуфов Р.Ф. Русский романтизм начала XIX века и национальные культуры. – М., 1970. – 424 с.

76 Ярош М.Р. Пясняр роднай зямлі. – Мн., 1982. – 344 с.

СОДЕРЖАНИЕ

Введение.....	3
Глава 1. Аксиосфера лирического героя в белорусской лирике рубежа веков: национальное и общечеловеческое, бытийное и культурно-историческое.....	8
Глава 2. Романтическое двоемирие в лирике русского и белорусского поэтов.....	21
2.1. Вселенское и земное.....	21
2.2. Мечта и действительность.....	45
2.3. Поэт и мир.....	62
Заключение.....	88
Список использованных источников.....	90